

12+

ЛИНА ВУДЛИ

Обитель неудобных вопросов

Лина Вудли

Обитель неудобных вопросов

<https://litres.ru/74544733>

ISBN 9785007138253

Аннотация

Говорят, в глубине векового леса прячется место, которого нет ни на одной карте мира. Загадочная библиотека, где на полках хранятся не просто книги, а ответы на вопросы, которые мы ещё не успели себе задать.

Здесь оказывается главная героиня, отчаянно пытающаяся найти себя и собрать воедино осколки привычной жизни. Но вместо тихой гавани она обретает пространство, где время течет по иным законом.

Атмосферный роман в духе магического реализма для тех, кто ищет свой собственный свет среди страниц.

Содержание

Пролог	5
Дверь 1. Внутренний компас	13
Дверь 2. Шёпот древних архетипов	24
Дверь 3. Место где мы чувствуем себя как дома	32
Дверь 4. Триста лет одиночества	41
Дверь 5. Мост между прошлым и вечным	60
Дверь 6. Память. Архивы чужого сердца	87
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Обитель неудобных вопросов

Лина Вудли

Оформление обложки Нейросеть GhatGPT (DALL - E 3)
по запросу Лины Вудли

© Лина Вудли, 2026

ISBN 978-5-0071-3825-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Дождь начинался несмело. Крупные капли лениво падали на пожелтевшую листву, оставляя на ней тёмные пятна. Большинство людей в такие дни спешили домой, Полина же, наоборот, уходила туда, где становилось тише. Она любила пасмурную, дождливую погоду — в ней она находила мотивацию и вдохновение.

Вдоль городской реки раскинулся парк, плавно переходящий в густой лес. Именно там девушка и любила пропадать. Полине было чуть больше двадцати лет. Она не имела больших денег или высокого статуса, зато обладала богатым воображением и редким чувством прекрасного.

В один из таких дней она снова вышла к реке. Маршрут был привычным: сначала вдоль воды, затем — по лесной тропе. Полина шла, разглядывая капли дождя на ветках, напоминавшие маленькие хрустальные фонарики. На мгновение она остановилась, закрыла глаза и глубоко вдохнула запах хвои, влажной коры и сырой земли.

Этот аромат всегда возвращал её в детство. Так когда-то пахло дома, когда родители приносили из леса свежие шишки. Мама привязывала к ним ниточки и вешала на новогоднюю ёлку.

Из воспоминаний девушку вырвал резкий звук, пронесшийся неподалеку. Полина насторожилась и замерла, вслу-

шиваясь. Тишина. Никого не видно и больше ничего не слышно. Осторожно, стараясь не шуметь, она двинулась в противоположную сторону от места, где хрустнул сучок. Развернулась и поспешила прочь. В голове пронеслись самые жуткие мысли, но, пройдя пару десятков метров, она немного успокоилась и принялась внимательнее разглядывать местность.

Несмотря на то, что Полина бывала здесь часто, сейчас этот уголок леса казался незнакомым, и это смущало. Чтобы отвлечься от тревоги, она решила подумать о чём-то приятном. Например, о том, что дома её ждёт шоколадный пирог, который приготовила мама. На душе сразу стало веселее.

Вдруг краем глаза она заметила смазанное движение. Девушка отпрянула на пару шагов назад и замерла. Из-за стены дождя картинка вокруг оставалась размытой. Простояв так несколько минут и убедившись, что опасность не затаилась в кустах, Полина свернула на соседнюю тропинку.

Не успела она сделать и двух шагов, как снова почувствовала чужой взгляд. Обернувшись, Полина увидела прямо посреди дорожки чёрного, как ночь, кота с огромными зелёными глазами. Его шерсть была испачкана в грязи и еловых иголках.

— Как ты меня напугал, маленький, — почти шёпотом выдохнула она.

— Мя-а-ау, — протяжно ответил зверёк.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга, изу-

чая. Затем кот развернулся и неторопливо двинулся вглубь леса, то и дело оглядываясь, будто приглашая следовать за собой. Полина, недолго думая, пошла следом.

— Ты что, меня куда-то ведешь? — с улыбкой поинтересовалась девушка. — И как тебя зовут?

Разумеется, пушистый спутник ничего не ответил, лишь обернулся и одарил её непонимающим взглядом. Минут через пятнадцать деревья расступились, и впереди показался небольшой домик. Он совсем не походил на современную постройку — скорее на уютную лачугу какого-нибудь старого мудреца. Полина остановилась. Ей было безумно любопытно заглянуть внутрь, но здравый смысл твердил, что это может быть опасно. Она стояла перед крыльцом, разглядывая фасад, пока взгляд не наткнулся на аккуратную табличку: «Библиотека». На лице девушки сама собой появилась улыбка.

— Что? Какая ещё библиотека в глухом лесу? — с недоумением подумала она. — Я что, попала в сказку? Или это сон?

Страх мгновенно испарился. Полина решительно подошла к тяжелой деревянной двери и потянула за ручку. Створка поддалась не сразу, хотя казалась обманчиво легкой. Прямо у входа лежал небольшой махровый коврик бордового цвета. Прежде чем переступить порог, Полина тщательно отряхнула грязь с сапожек. Пройти дальше она пока не осмеливалась — замерла на месте, прислушиваясь к зву-

кам. Внутри было очень тепло. Пахло травяным чаем, чем-то сладким и, конечно же, старыми пыльными книгами.

— Интересно, кто здесь живёт? — подумала девушка.

Было очевидно, что дом не заброшен: повсюду царил чистота, а из соседней комнаты доносился аппетитный аромат и уютный треск дров в камине. Но где же хозяин? В этот момент мимо её ног элегантно проскользнул давешний чёрный кот. Он отряхнулся от дождевых капель, по-хозяйски прошёл в комнату с камином и ловко запрыгнул в темно-бордовое кресло. Судя по количеству оставленной на обивке шерсти, это место было его любимым.

Полина улыбнулась и, набравшись смелости, прошла в глубь библиотеки. На стеллажах теснились сотни книг. Казалось, они не поддавались никакой логической расстановке: суровый роман Льва Толстого соседствовал с кулинарным справочником «Десять способов приготовить картофель», а следом за ним шла книга по нумерологии.

— Совсем как на книжной полке у мамы, — усмехнулась про себя Полина, — такое же хаотичное разнообразие.

Увлечшись разглядыванием корешков, она не заметила, как вплотную подошла к массивному столу. На нём стояла деревянная табличка: «Архивариус Элиан». Повернув голову, Полина вздрогнула: из-под стола, отвлекшись от нижних полок, на неё смотрел молодой человек.

— Обычно люди сначала стучат, — с лёгким недовольством пробормотал он.

— Простите... Я думала, здесь никого нет.

— Обычно все так и думают.

Юноша выбрался из своего укрытия — судя по всему, нужную книгу он так и не нашёл. Он отряхнул рукава и несколько секунд молча разглядывал незнакомку. Выглядел парень на удивление опрятно: белоснежная рубашка с галстуком, строгий жилет, поверх которого был накинут коричневый вельветовый пиджак, тёмные брюки и безупречно вычищенные туфли. Черты его лица казались удивительно гармоничными: острый подбородок, прямой нос и необычные, слегка миндалевидные кошачьи глаза. Тёмно-русые волосы средней длины были уложены с намеренной небрежностью, а на переносице сидели круглые очки в светлой оправе.

Элиан не сделал ни шага навстречу. Он лишь терпеливо ждал, пока гостя успокоится, и в его спокойном голосе и позе чувствовались врождённое благородство и скрытое любопытство.

— Я архивариус Элиан, — сдержанно представился он.

— Вы? — удивилась Полина. — Я думала, архивариусы должны быть гораздо старше. Да и имя у вас... как из фильма или книги. А я просто Полина, — добавила она с лёгким смущением.

Юноша искренне улыбнулся:

— Что вы, прекрасное имя! Я как раз читал о нём. Имя Полина восходит к древнегреческому Аполлинария, что означает «принадлежащая Аполлону». А он, как извест-

но, покровитель света, искусств, музыки и знаний.

На секунду Полина лишилась дара речи — меньше всего она ожидала услышать здесь лекцию по мифологии.

— Простите, Элиан, но я, к сожалению, не смогу так же красиво рассказать о происхождении вашего имени.

В ответ он улыбнулся ещё шире и открытее.

— Что это за место? — спросила девушка, оглядываясь.

— Библиотека, — с лёгкой иронией отозвался Элиан.

— Посреди леса?!

— Получается, так.

— Но как это возможно?

Элиан наконец обошёл стол и приблизился.

— Пойдёмте присядем за столик. Вы любите чай?

— Люблю.

— Какой предпочитаете?

— Можно обычный чёрный, пожалуйста.

— Хороший выбор, — кивнул юноша и поставил чайник на плиту.

Полина устроилась на стуле и снова вернулась к главному вопросу:

— И всё-таки, что это за место?

— Это место, куда приходят за вопросами.

— За вопросами? — удивилась она. — Разве люди не ищут сразу ответы?

— Верно, люди чаще приходят именно за ответами, — согласился Элиан, разливая закипевшую воду по чашкам. —

Но готовые ответы редко меняют жизнь. Они слишком удобны: их можно просто взять, положить в карман и забыть.

— А вопросы?

— А вопросы неудобные. Они лишают покоя. Они идут за человеком из библиотеки прямо к нему домой, садятся с ним пить чай, смотрят в окно во время дождя. Иногда правильный вопрос ранит и сопровождает человека годами, пока однажды он сам не созреет для ответа.

— Получается, здесь не дают советов?

— Иногда дают. Но чаще здесь учатся формулировать такие вопросы, после которых правильный шаг становится очевидным. Не потому, что его кто-то подсказал, а потому, что человек наконец-то услышал самого себя.

Элиан пододвинул ей чашку.

— А знаете, почему люди так отчаянно ищут готовые ответы?

— Почему?

— Потому что тогда ответственность остаётся на том, кто этот ответ дал.

— А если я сама найду решение?

— Тогда этот ответ станет частью вас. И его уже никто и никогда не сможет отнять.

— Интересная мысль...

— У нас здесь таких много, — улыбнулся архивариус. — Кстати, вы уже познакомились с Ноксом?

— У вас есть другие сотрудники?

— Ну конечно. Он — душа этого места и наш главный символ.

Словно в подтверждение его слов, из соседней комнаты раздалось громкое «Мяу», и в дверном проёме показалась черная мордочка с изумрудными глазами.

— А вот и наш начальник, — представил его Элиан. — Кот с невероятным чувством собственного достоинства.

— Значит, мы уже знакомы, Нокс, пусть ты мне сразу и не представился, — рассмеялась Полина.

Кот одарил её одобрительным взглядом и зажмурился. Полина посмотрела в окно и ахнула:

— За окном совсем стемнело. Кажется, мне пора возвращаться домой.

— Вы можете вернуться сюда в любой момент, стоит только захотеть, — мягко и по-доброму напутствовал её Элиан.

— О, я уверена, что вернусь. И точно не один раз...

Дверь 1. Внутренний компас

А вдруг личность — это не то, что нужно отыскать? А то, что постепенно вырастается? Полину всегда смущала популярная фраза «Найди себя». Она звучала так, будто где-то в сосновом лесу на пеньке сидит готовая, идеальная версия человека и терпеливо ждёт, пока её наконец обнаружат. Девушке была ближе другая идея: ты не находишь себя, ты им становишься.

С этой мыслью она бродила по лесу под мелким грибным дождем. Тропинка вывела её на опушку, откуда открывался волнующий вид на реку. Крупные капли лениво бились о воду, оставляя на её поверхности мимолетные элегантные узоры. Полина остановилась и прислушалась. Лес наполнился чарующим птичьим пением. Казалось, деревья образовали живую сцену, а Полина стала случайным, зашедшим на огонек слушателем. Эти звуки окружали её всегда, но заметила она их только сейчас, когда сумела остановить шумный поток собственных мыслей.

На другом берегу сквозь пелену дождя виднелись темные силуэты рыбаков в дождевиках и высоких резиновых сапогах. Они сидели на приличном расстоянии друг от друга — не из нежелания общаться, а лишь для того, чтобы не мешать товарищам закидывать удочки. Время от времени один из них выкрикивал в туманную даль:

— Ну что, клюёт?

Дождь начал заметно усиливаться. Полина постояла еще пару минут, прежде чем опомнилась. Теперь перед ней стояла практическая задача — найти укрытие. Первой на ум пришла лесная беседка, но до неё было слишком далеко. И вдруг — озарение. Библиотека! Маршрут она помнила смутно, ведь в прошлый раз всей навигацией заведовал черный кот. Не обращая внимания на хлещущие капли, Полина шла не спеша, стараясь сохранить внутри покой и насладиться моментом. Вскоре среди мокрых ветвей затеплился тусклый, янтарный свет. Пройдя еще немного, она увидела знакомый домик из дикого камня, сплошь обросший мхом и плющом. Над дверью покачивалась вывеска: «Библиотека».

Полина нерешительно замерла на крыльце, переминаясь с ноги на ногу и собираясь с духом. Когда одежда промокла окончательно, она потянулась к железной ручке. В этот раз дверь поддавалась легко, словно ждала её. На пороге лежал всё тот же бордовый махровый коврик, но теперь на нем четко виднелась золотистая надпись: «Добро пожаловать». Полина удивленно моргнула — она готова была поклясться, что в прошлый раз коврик был абсолютно чистым. Из полумрака прихожей блеснули два изумрудных глаза, и к ее ногам бесшумно выскользнул Нокс.

— Привет, Нокс, — тихо поздоровалась Полина.

Кот понимающе прищурился, развернулся и скрылся в глубине дома.

В этот раз внутри пахло иначе: сладким земляничным вареньем и свежей перечной мятой, сквозь которую едва уловимо пробивался неизменный аромат травяного чая. Полина аккуратно повесила мокрый плащ на деревянную вешалку у входа, отряхнула сапожки и пошла по длинному коридору. Половицы уютно поскрипывали, источая густой запах нагретого дерева. У стола архивариуса никого не было. На лакированной поверхности высилась стопка книг по философии. Одна из них лежала открытой, но её страницы почему-то оставались абсолютно чистыми.

— Полина, здравствуй.

Голос раздался прямо за спиной. Вздвогнув, девушка обернулась. Перед ней стоял Элиан, держа в руках еще одну внушительную стопку книг.

— Доброго вечера, Элиан, — тепло улыбнулась она.

— Я знал, что ты вернешься, — ответил юноша, и на его лице появилась мягкая улыбка. — Как нам лучше общаться — на «вы» или на «ты»?

— Давай на «ты».

— Что ж, тогда как насчет чая с земляничным вареньем?

Девушка согласно кивнула. Они прошли в гостиную. В старинном камине весело трещали дрова, над каменной полкой висел живописный пейзаж неизвестного художника, а рядом горели восковые свечи, чей свет отражался в изящных вазах с сухоцветами. Посреди комнаты стоял кофейный столик из темного лакированного дуба, уютный диван и два глу-

боких кресла. В одном из них уже свернулся клубком Нокс.

Элиан жестом пригласил Полину садиться, отложил принесенные журналы и разлил по чашкам ароматный чай из керамического чайника. Затем он аккуратно переложил Нокса к себе на колени и сел напротив.

— Здесь невероятно уютно, — призналась Полина, согревая пальцы о фарфор.

— Это место и вправду особенное, — Элиан на мгновение задумался, глядя на пламя, — особенным его делают искренние беседы. Знаешь, некоторые библиотеки невозможно найти на географической карте. Они материализуются только тогда, когда человек внутренне готов поговорить с самим собой начистоту. И только тогда в них появляется подходящий компаньон, с которым можно разделить эти мысли.

— Хочешь сказать, я готова к такому разговору?

Элиан молча кивнул. На какое-то время в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь перестуком дождя по деревянному подоконнику и сухим треском поленьев.

— Есть одна мысль, которая когда-то в корне изменила мое представление о людях, — нарушил молчание архивариус. — А вдруг личность — это не то, что нужно искать? А то, что постепенно вырастается. Мы повсюду слышим: «Найди себя». Но меня всегда отталкивала эта фраза. Она звучит так, будто где-то в чаще леса живет готовая Полина, сидит на пеньке и ждет, пока ее обнаружат. Мне ближе другое: ты не находишь себя, ты им становишься.

Полина замерла с чашкой в руках, вслушиваясь в его слова. Сердце пропустило удар — ведь именно об этом она думала по дороге сюда.

— Представь себе желудь, — продолжал Элиан. — Когда он только падает с ветки, существует ли уже дуб? И да, и нет. В нем заключен колоссальный потенциал стать огромным деревом. Но если этот желудь запереть в темной коробке, дуба не случится. Не потому, что потенциала не было, а потому, что ему не дали проявиться в реальности. Так же зреет и человеческая личность. Юнг называл это процессом индивидуации. Это не поиск идеального образа, а постепенное знакомство со всеми своими гранями. Не только с красивыми и удобными. Мне кажется, люди страдают не оттого, что они какие-то «не такие», а потому что пытаются жить, задействовав лишь одну свою часть. Например, человек решает, что должен быть исключительно сильным, и запрещает себе плакать. Или хочет быть только добрым и подавляет злость. Или пытается казаться вечно мудрым, не позволяя себе побыть смешным. А потом искренне удивляется гнетущей пустоте внутри.

В дальнем конце коридора громко скрипнула половица. Полина и Элиан синхронно повернули головы. Из темноты с гордо поднятым хвостом вышел Нокс. Ему явно стало любопытно, как скоро они заметят его отсутствие в кресле. Довольный произведенным эффектом, он грациозно запрыгнул на подоконник. Напряжение спало, и герои дружно рассме-

ялись.

— Нокс, нельзя же так пугать, — пригрозила пальцем Полина. — Мог бы привлечь к себе внимание более гуманным способом.

— Этот пушистый философ сбил меня с мысли, — шутливо возмутился Элиан. — Ах да. У Юнга есть потрясающее изречение. Смысл его в том, что человек становится целым не тогда, когда достигает идеала, а тогда, когда перестает отвергать части самого себя. А теперь я хочу задать вопрос тебе. Если бы пришлось назвать три качества, которые ты искренне считаешь своими — не потому, что их в тебе воспитали, а потому, что ты сама узнаешь их в себе изо дня в день... Что бы это было?

Полина глубоко задумалась. Философский поворот застал её врасплох, ведь она настраивалась на обычное чаепитие.

— Тема личности действительно очень глубокая, — медленно начала она, глядя на танцующие языки пламени. — Мы ведь рождаемся как чистый лист. Не умеем говорить, ходить, принимать решения. Всему учимся на ходу. И мне кажется, в начале пути ребенку жизненно необходим правильный пример. Обычно им становятся родители. Именно они возвращают нас — ментально, физически, психологически. Что в нас заложат, с тем мы и идем в рост, как тот желудь. Наш характер и даже темперамент формируются под влиянием атмосферы, в которой мы росли, родительских установок. И, конечно, окружения.

Она перевела взгляд на окно, за которым бушевала непогода.

— Ты спросил про мои качества... Сложно сформулировать с ходу. Думаю, в первую очередь это внутреннее спокойствие, дипломатичность и то, что называют внутренней культурой. Мне иногда кажется, что я с этим просто родилась. Сколько себя помню, никогда не была конфликтным ребенком. У меня всегда было четкое убеждение, что любой человек априори достоин уважения — независимо от его статуса, пола или расы. И, разумеется, я ждала того же в ответ. К счастью, чаще всего мне везло на добрых и воспитанных людей. Наверное, наше окружение — это наше зеркало. Что излучаем, то и получаем.

Элиан задумчиво опустил глаза.

— Меня зацепили твои слова о том, что ты с этим родилась. Здесь мы сталкиваемся с извечной дилеммой психологии: что в нас врожденное, а что приобретенное? Однозначного ответа нет. Но современные исследования подтверждают: темперамент — то есть скорость наших реакций, базовая чувствительность, осторожность или импульсивность — проявляется с первых месяцев жизни. А вот характер, ценности, привычки и то, как мы общаемся, — это уже продукт семьи, культуры и нашего личного выбора.

Архивариус ласково взглянул на кота, а затем снова повернулся к Полине:

— Мне кажется, в твоем случае произошло удивитель-

ное слияние. Природа наградила тебя спокойным, созерцательным темпераментом, а близкие помогли ему развиваться в настоящую культуру и искреннее уважение к миру. Это не маска вежливости, это стержень. Но знаешь... с одной твоей мыслью я бы поспорил. Ты сказала: «Что родители в нас вложат, с тем мы и растем». Если бы это было абсолютной истиной, родные братья и сестры, выросшие в одном доме, были бы неотличимы друг от друга. Но они часто противоположны. Человек — это не чистый лист. Он скорее похож на музыкальный инструмент. Допустим на скрипку. Когда она рождается, у нее уже есть своя древесина, своя форма, свой уникальный тембр. Но какая музыка на ней прозвучит? Это зависит от исполнителя, от репертуара, от того, как часто на ней играли, берегли ли её или, может, однажды разбили и склеили заново. И даже от акустики зала. Из всего этого и складывается личность.

Полина замолчала, бережно перебирая в голове его слова. Элиан внимательно взгляделся в ее лицо:

— О чем ты задумалась?

— Сегодня день какой-то... созданный для спокойной грусти, — тихо ответила Полина. — Утром я долго не могла заставить себя встать. В голове крутились мысли о том, как пассивно и рутинно проходит моя жизнь. Я начала сыпать вопросами к самой себе: как понять, куда двигаться? Где применить свои таланты?

Элиан поставил чашку на стол и несколько мгновений

молчал. Затем он тепло и очень искренне улыбнулся:

— Сегодня я не стану тем, кто снабдит тебя готовыми ответами. Я побуду тем, кто поможет тебе расслышать твои собственные. Знаешь, когда ты пожаловалась на пассивность и рутину, мне показалось, что корень проблемы в другом. Ты страдаешь не от нехватки ярких событий. Ты страдаешь от отсутствия чувства, что движешься в правильном направлении. Можно жить невероятно насыщенной жизнью и задыхаться от пустоты. А можно делать совсем немного, но засыпать с четким пониманием: «Сегодня я стала на шаг ближе к себе».

Нокс на подоконнике приоткрыл один глаз, будто тоже внимательно прислушивался к беседе.

— Давай поиграем, — предложил Элиан. — Я задам тебе три вопроса. Не спеши, не пытайся формулировать красиво или правильно. Говори первое, что отзовется внутри. Итак, вопрос первый. Представь, что прошло пять лет. Забудь о внешних атрибутах — муже, детях, деньгах или доме. Представь только себя. Ты просыпаешься утром и понимаешь: «Я абсолютно счастлива и довольна своей жизнью». Что именно в тебе изменилось?

Полина посмотрела в темное окно, собираясь с мыслями.

— Я не знаю наверняка... Но думаю, та счастливая Полина четко осознает, кем она стала. У нее есть любимое творческое дело, которое приносит хороший доход. Она обрела независимость. Может сама себя обеспечивать, баловать

близких ценными подарками, помогать им. Но при этом она сохранила способность радоваться простым мелочам: утренней музыке, чашке вкусного чая, прогулкам на свежем воздухе. Прежняя рутина больше не тяготит её, а служит приятным переключением между любимыми делами.

В гостиной воцарилась глубокая, звенящая тишина. Слышно было только, как за стенами дома подывает ветер.

— Хорошо, — задумчиво произнес Элиан. — Тогда второй вопрос. Если бы финансовый вопрос в твоей жизни был закрыт раз и навсегда, чем бы ты занималась просто потому, что не можешь этим не заниматься?

Взгляд Полины упал на открытую книгу с пустыми страницами, лежавшую на краю стола.

— Если бы дело было не в деньгах... Я бы с головой ушла в творчество. Мне безумно нравится монтировать видео, рисовать, собирать интересные визуальные образы для съемок и фотосессий. Еще я бы обязательно занялась благотворительностью — помогала бы бездомным животным и людям, попавшим в беду. И, конечно, путешествовала бы по миру, впитывая чужую культуру, языки и традиции. Я бы обустроила свой дом редкими антикварными вещами, создавая особую, сказочную атмосферу. Устраивала бы красивые пикники и чаепития с подругами, где мы могли бы часами обсуждать философию, психологию и эзотерику...

— А теперь третий вопрос, — голос Элиана стал чуть тише. — Он самый сложный. И я прошу тебя не отвечать

на него прямо сейчас. Постарайся прочувствовать его всем сердцем. Чего ты боишься сильнее: так и не отыскать свое истинное предназначение... или найти его и осознать, что теперь тебе придется действовать? Подумай об этом. А ответ скажешь потом.

В глазах Полины отразилась полная растерянность, а к горлу подступил смутный, но совершенно отчетливый страх.

Дверь 2. Шёпот древних архетипов

В библиотеке наступила тишина. Полина глубоко задумалась над последним вопросом, а за окном тем временем глухо пророкотал гром. Дождь припустил с новой силой. Из приоткрытого окна потянуло резкой свежестью. От грохота Нокс испуганно вздрогнул и, быстро перебирая пушистыми лапками, метнулся из кресла напрямик под стол.

— Мя-а-у, — протяжно и крайне недовольно донеслось из темноты.

Полина и Элиан переглянулись.

— Нокс, неужели ты боишься грозы? — с искренним удивлением спросил архивариус.

Полина с улыбкой наблюдала за шевелением под столом.

— Мне кажется, этот гром глубоко оскорбил нашего пушистого друга, — пошутила она.

Архивариус тихо хихикнул:

— И чем же непогода могла досадить коту Ноксу?

— Ну, вода в любом проявлении — его главный противник. Видимо, у них давние личные счёты.

Жалобное мяуканье из-под стола прозвучало так вовремя, словно кот подтверждал её правоту. На лице Элиана появилась непринужденная улыбка.

— Что ж, зато я наконец-то могу сесть поудобнее, — сказал он, устраиваясь в освободившемся кресле.

Из-под стола снова раздался ворчливый звук. Нокс явно считал, что кресло незаконно экспроприировали, и винил во всем стихию.

Полина перевела взгляд на край стола. Там лежала старая, слегка потерянная книга в массивном переплете. На её обложке красовались тисненные изображения восьмиконечной звезды, луны и старинного компаса, а чуть ниже крупными буквами было выведено: «Символы».

— Элиан, а что это за книга? — спросила Полина, указывая на переплет.

Архивариус проследил за её жестом и бережно взял книгу в руки.

— Мне почему-то кажется, что она тебе особенно понравится. Здесь собраны мифы, легенды и знаки. Знаешь, во все времена люди отчаянно искали смысл в окружающем мире — через явления природы, звезды, предзнаменования.

Элиан невольно посмотрел в окно, за стеклом которого вспыхнула далекая молния. Под столом тут же нервно заходил ходуном черный хвост. Полина не сдержала короткого смешка, а архивариус, переждав паузу, продолжил:

— Древний человек видел молнию. Он еще ничего не знал об электрических разрядах и физике атмосферы, но внутренне понимал: «Это что-то великое и грозное». И чтобы приручить этот страх, он начинал рассказывать истории. Так рождались мифы. Не потому, что наши предки были глупыми, а потому, что человеку жизненно необходимо делать мир

понятным для себя.

Полина подалась вперед, упираясь локтями в колени:

— Но ведь сейчас мифы часто противопоставляют науке. Говорят: либо ты веришь в факты, либо в мистику.

— И вот здесь, как мне кажется, кроется главная ошибка, — подхватил Элиан. — Факты, убеждения и символы — это три совершенно разные вещи. И именно символы завораживают меня сильнее всего. Вот взять, к примеру, все эти популярные гороскопы или психологические разборы по архетипам...

— О, я обожаю такое читать! — воскликнула Полина.

— Честно признаться, я тоже, — улыбнулся архивариус. — И ведь на самом деле это вовсе не про магию. Это способ человека познать самого себя через готовые образы.

За окном послышался тяжелый стук сосновых веток, бьющихся о крышу дома под порывами ветра.

— Например, почему кого-то подсознательно привлекает архетип Мудреца? — спросил Элиан.

Полина на секунду задумалась, примеряя этот образ на себя.

— Наверное, потому что человек узнает в этом образе какую-то важную часть своей души. Это ведь не значит, что он мечтает стать стариком с длинной седой бородой, надеть балахон и уйти жить в глушь. Это про внутреннее самоощущение. Ему просто близки ценности этого образа: глубина, поиск смысла, тишина и знание.

Элиан несколько секунд молчал, внимательно глядясь в её лицо и обдумывая ответ.

— Абсолютно верно, — тихо согласился он. — Ты смотришь на символ снаружи, а узнаешь то, что уже есть у тебя внутри. Юнг потому и относился к мифам со всей серьёзностью. Он не пытался выяснить, существовали ли драконы на самом деле. Его волновал другой вопрос: почему люди в самых разных, изолированных друг от друга культурах, одинаково придумывали драконов?

— Получается, человеческая психика просто говорит на языке образов? — предположила Полина. — И поэтому нам так нравится соотносить себя со знаками зодиака или картами таро. Нам нужен этот язык, чтобы выразить то, для чего обычных слов не хватает. Главное — не принимать всё слепо на веру и не примерять на себя чужие маски.

— Ты совершенно права. Порой люди так увлекаются описанием своего архетипа, что бессознательно приписывают себе качества, которых в них отродясь не было. Теряют себя настоящих за красивой картинкой.

Полина замолчала, глядя на ровное пламя свечи, а потом негромко, почти во воображении, произнесла:

— А вдруг... вдруг наша библиотека — это тоже символ? Метафора?

От неожиданности Элиан вздрогнул, и старинный том выскользнул из его пальцев, с глухим стуком упав на ковер. В комнате как будто на мгновение остановился воздух. Под

столом прекратилось всякое шевеление — Нокс наконец вылез из своего укрытия и замер, переводя внимательный взгляд с Полины на архивариуса.

Элиан медленно поднял книгу, словно собираясь с мыслями.

— Возможно, так оно и есть, — негромко ответил он, и в его голосе прозвучало странное волнение. — Библиотека — это ведь единственное место, где никто не требует от тебя быть кем-то определенным. Это символ пространства, где можно искать свои смыслы и не бояться быть осмеянным.

Он положил книгу на колено и пытливо посмотрел на девушку:

— А теперь у меня к тебе необычный вопрос. Какой символ, если подумать, сопровождает лично тебя всю жизнь? Что первое приходит в голову?

Полина сделала глоток чая и опустила взгляд в чашку, разглядывая причудливые узоры из осевших на дно травяных листочков. В мыслях пронеслись несколько образов: Дождь? Густой лес? Мудрая сова? Горящая свеча? Одинокая луна? Старый ключ? Или бурная река? Она не спешила с ответом, чувствуя, как эти символы отзываются где-то в груди.

— Пока ты размышляешь, я поделюсь своим, — мягко нарушил тишину Элиан. — Я бы выбрал обычный дорожный фонарь. Не потому, что он способен разогнать всю ночную тьму вокруг. Нет. Фонарь освещает всего два-три шага впереди себя. Но, как оказывается, этого вполне достаточно,

чтобы уверенно сделать следующий шаг и не сойти с тропы. Мне всегда казалось, что истинное знание похоже на такой фонарь. Оно не дает ответов на всю жизнь вперед. Оно лишь подсвечивает ближайший поворот. Ну так что, ты готова называть свой?

Полина невольно улыбнулась:

— Твой фонарь мне очень близок. Знаешь, где-то глубоко во мне тоже живет такой отшельник, который бредёт впотьмах. И ему тоже нужно осветить лишь крошечный клочок земли под ногами, чтобы просто не сбиться с пути. Но если говорить о моем главном, глубинном символе... Пожалуй, это весы и меч.

Нокс бесшумно запрыгнул к ней на колени, свернулся калачиком и замурчал, словно одобряя выбор.

— Весы и меч, — повторила Полина, поглаживая мягкую шерсть. — Как у богини правосудия Фемиды. Только её глаза завязаны. Ей абсолютно всё равно, богат человек или беден, как он выглядит и какое положение занимает. Её ориентир — не внешняя мишура, а чаши весов, на которых взвешиваются реальные поступки. А меч... меч помогает отсекаать ложь и обнажать истину. Для меня это баланс логики и интуиции. Весы колеблются, принимая решение, а меч рубит правду, не боясь последствий.

Элиан замер, глядя на неё с легким восхищением. В гостиной по-прежнему шумел дождь, и огонек свечи едва заметно колыхался от сквозняка.

— Я вдруг понял... — протянул архивариус. — Ты ведь выбрала не просто предметы, Полина. Ты выбрала свое отношение к жизни. Весы никогда не принимают решений в спешке. Требуют замедления. Они позволяют обеим сторонам проявиться, и это делает человека не нерешительным, а глубоко внимательным к деталям. А вот меч в твоих руках меня удивил. Многие видят в нем силу или агрессию, но для тебя это символ абсолютной ясности. Твой меч не ранит людей. Он рубит иллюзии, отделяя правду от самообмана, а голые факты — от пустых фантазий.

Полина согласно кивнула.

— И что самое интересное — эти образы действительно помогают мне лучше понять себя, — тихо добавила она.

— Именно поэтому я так люблю подобные разговоры, — Элиан поднялся с кресла и подошел к высокому окну библиотеки. За стеклом медленно чертили дорожки дождевые капли. — Когда человек не слепо заменяет мышление символами, а позволяет символам вести диалог с его разумом. Кстати, ты очень точно подметила про завязанные глаза. Большинство ведь считает это знаком слепоты или безразличия. Но эта повязка говорит: «Не суди по первому впечатлению». Когда глаза закрыты, тебе остается только слушать, чувствовать и думать. Ты перестаешь вестись на то, что выглядит ярче и кричит громче всех.

Элиан обернулся и тепло улыбнулся Полины:

— Знаешь... Мне кажется, именно поэтому наша библио-

тека выглядит так, а не иначе. В ней книги по строгой физике стоят рядом с трактатами по философии. Чарльз Дарвин уживается на одной полке с Карлом Юнгом, а Толкин — с хрониками Средневековья. И между ними нет вражды. У каждого своя задача. Мне очень нравится думать о мире не как о поле битвы идей, а как о великой библиотеке.

Полина поднялась, переложив спящего Нокса на кресло, и подошла к Элиану, вглядываясь в отражение в темном стекле.

— Мудрый человек не ищет чудес вместо истины, — негромко произнесла она. — Он ищет язык, на котором истина и чудо могут спокойно разговаривать друг с другом. Наша библиотека ведь никогда не требовала выбирать между старинной свечой и современной настольной лампой. Здесь можно зажечь обе.

— Знаешь, Полина, — Элиан посмотрел на неё поверх очков. — Если соединить все образы, о которых мы сегодня говорили, то получится история человека, который отчаянно ищет свой путь к свету, но при этом не закрывает глаза на собственную тень. И в этом стремлении нет побега от реальности. В нем есть удивительная, редкая целостность.

Дверь 3. Место где мы чувствуем себя как дома

Элиан задумчиво посмотрел в окно. За стеклом медленно качались мохнатые ветви сосен. В гостиной воцарилась глубокая тишина. Даже Нокс перестал вылизывать лапку и замер, словно предчувствуя один из тех разговоров, которые потом долго не отпускают душу.

— Как ты думаешь... Почему люди так любят возвращаться в одни и те же места? — тихо спросил архивариус. — Не в знаменитые туристические точки, а именно в свои, сокровенные места. У каждого ведь есть такое. Для кого-то это старая потрепанная лавочка во дворе. Для кого-то — залитая солнцем бабушкина кухня. Для кого-то — тихая библиотека или глухая лесная тропинка. И ведь удивительно: человек приходит туда уже в сотый, в тысячный раз. Он до последнего знает каждую ступеньку, помнит каждый скрип половиц. Но всё равно всякий раз испытывает то самое чувство...

— Будто наконец-то вернулся домой, — негромко дополнила Полина.

Элиан посмотрел на неё с теплой улыбкой, и девушка продолжила, развивая мысль:

— Мне кажется, дело вовсе не в самих местах. Они ста-

новятся святыми потому, что однажды мы были в них пронзительно настоящими. Можно поехать в самый роскошный дворец Европы и остаться абсолютно безразличным. А можно сесть на покосившуюся скамейку у реки, где ты когда-то сидел с дорогим человеком, и эта скамейка будет стоять для тебя больше всех сокровищ мира.

Элиан отпил немного чая, глядя на танцующие в чашке чайники.

— Согласен... Мы привязываемся не к пространству. Мы привязываемся к версии самих себя, которая однажды там жила. Возвращаясь в родную школу, человек вспоминает не цвет стен, а себя пятнадцатилетнего. Приходя в дом детства — себя семилетнего.

В этот момент Нокс неожиданно поднялся, подошел к массивной входной двери библиотеки и замер, уставившись на нее. Затем он чинно уселся рядом, словно заступил на караул. Элиан не сдержал улыбки:

— Вот смотри. Нокс сейчас охраняет вовсе не редкие фолианты. Он охраняет пространство, куда люди приходят ради роскоши быть собой.

Полина ласково посмотрела на кота:

— Думаю, настоящий дом — это вообще не про географию. Это про людей, которые тебя окружают. Про тех, с кем можно сбросить все маски. Не притворяться сильной, не казаться лучше, чем ты есть на самом деле. Когда ты точно знаешь: тебя любят и принимают со всеми недостатками и до-

стоинствами. Искренне радуются твоим победам и подставляют плечо в скверные моменты. Если таких людей нет рядом, то никакие богатые интерьеры не подарят тебе тепло.

Архивариус долго молчал, переваривая её слова, а затем перевел взгляд на угасающий огонь в камине.

— Знаешь, мне вспомнилась одна фраза. Есть дома, которые выглядят так, словно их проектировал точный архитектор. А есть те, что созданы любовью. И они ощущаются совершенно по-разному. Не из-за стоимости мебели, а потому что во втором случае человек каждую секунду спрашивал себя: «Как сделать так, чтобы здесь было хорошо тем, кого я люблю?»

— Получается, внешняя красота и внутренний уют — вещи разные, — согласилась Полина. — Можно купить самый дорогой гарнитур, высадить идеальный сад и выровнять дорожки. Но ощущение дома не продается. Его можно только создать и прожить.

— Мр-р-ф, — неожиданно донеслось со стороны прихожей.

— Кажется, наш пушистый критик согласен с тезисом, — подмигнул Элиан. — Мы часто говорим: «Эти стены хранят память». Но, возможно, всё работает наоборот. Это люди оставляют невидимую часть своей души в комнатах. А потом место начинает тихонько разговаривать их голосами.

Девушка задумчиво посмотрела на юношу:

— А ведь я часто замечала, как по-разному пахнет в го-

стях. У каждого дома свой, неповторимый аромат. И я сейчас не про парфюм, выпечку или стиральный порошок. Там что-то другое, глубинное. Запах — пожалуй, самая честная память из всех существующих. Можно стереть из памяти лицо, перепутать важную дату. Но стоит уловить знакомый аромат — и он за долю секунды перенесет тебя на двадцать лет назад.

Полина на мгновение замолкла, подбирая слова, и Элиан мягко подхватил её мысль:

— И ведь бывает так: квартира остается прежней. Те же обои, те же окна, даже мебель на тех же местах. А ощущение дома исчезло. Почему? Потому что ушел человек, который наполнял это пространство своим присутствием.

Нокс в этот момент бесшумно отлепился от двери, подошел к Полине и — совершенно без привычного кошачьего высокомерия — мягко прижался боком к её ноге, усаживаясь рядом. Архивариус кивнул на него:

— Вот видишь... Еще один пример. Если бы прямо сейчас Нокс исчез, осталась бы библиотека прежней? И да, и нет. Физически стены бы не сдвинулись, но атмосфера изменилась бы безвозвратно. Получается, даже одно живое существо способно полностью переписать энергетику целого дома.

— Естественно. Куда же вы без меня, — раздался в тишине спокойный, чуть хриплый и невероятно вальяжный голос. Полина замерла. Чашка в её руках мелко задрожала, а пе-

ченье выскользнуло из пальцев прямо на блюде. Она медленно, словно боясь, что ей померещилось, опустила взгляд на кота. Тот сидел как ни в чем не бывало.

— Ты... разговариваешь? — выдохнула девушка, округлив глаза.

— А почему бы и нет? Имею я право в этой глуши не быть совершенно обычным, банальным котом? — Нокс иронично прищурил один зеленый глаз и совершенно по-человечески подмигнул ей.

Полина, всё еще пребывая в ступоре, резко повернулась к Элиану:

— Ты знал?!

Архивариус лишь безмятежно откинулся на спинку кресла и одобрительно кивнул:

— Знал, конечно. Ты думаешь, с кем я до твоего прихода спорил по поводу трудов Канта и Юнга?

Полина прищурилась, в ней смешались изумление и легкая обида:

— Чувствую себя круглой душой, которую водили за нос. Нокс, а почему ты заговорил именно сейчас? Кто-то запрещал до этого?

Кот вальяжно растянулся на ковре и принялся демонстративно вылизывать лапку, но на вопрос ответил сразу:

— Никто во всей Вселенной не может запретить мне делать то, что я хочу, кроме, разве что меня самого. Я просто изучал обстановку. Если я вижу, что человеку можно дове-

рять, почему бы и не поболтать? А если гость пустой, зачем мне тратить на него свои драгоценные связи? Хотя, признаться, я удивлен, что ты не бросилась наутек с криками.

— А я как раз ни капли не удивлен, Нокс, — с усмешкой вставил Элиан.

Полина не выдержала и звонко рассмеялась — напряжение окончательно спало.

— Значит, ты достаиваешь своей беседы далеко не каждого?

— Далек не каждого, — гордо подтвердил Нокс. — Знала бы ты, сколько искателей сюда забредало. Все такие разные, важные... Но людей, которых в наше время не способен до полусмерти испугать говорящий кот, можно пересчитать по пальцам одной руки.

— Ваша библиотека и правда чертовски необычная, — выдохнула Полина.

— Без всяких сомнений, — согласился Элиан.

В гостиной снова воцарился уютный покой. Архивариус с тихим стуком поставил пустую чашку. Полина откусила кусочек печенья, наслаждаясь моментом. И тут Нокс сел прямо перед Элианом и завертел головой, жалобно глядя на него своими изумрудными глазами.

— Что, опять? — картинно вздохнул Элиан.

Кот требовательно прищурился. Юноша нехотя поднялся с кресла, дошел до прихожей и открыл тяжелую входную дверь.

— Я, конечно, кот выдающегося ума и собеседник уровня высшей лиги, но открывать эти дурацкие щеколды лапами до сих пор не научился, — проворчал Нокс, проскользнув мимо его ног на улицу.

Полина и Элиан дружно расхохотались.

— Вот увидишь, — улыбнулся архивариус, возвращаясь к столу, — не пройдет и пяти минут, как этот лорд будет скрестись когтями обратно.

За дверью послышалось сердитое фырканье:

— Вообще-то я всё слышу! И это не смешно. У меня лапки!

Прошло от силы минут пять. За окном внезапно потемнело сильнее, и по крыше застучали плотные, тяжелые капли дождя. И тут же со стороны крыльца донеслось отчетливое, требовательное царапанье. Элиан с торжествующим видом посмотрел на Полину. Он не произнес ни слова, но весь его облик буквально кричал: «Ну я же говорил!».

Архивариус снова подошел к двери и прислушался.

— Мя-а-а-у-у-у! — протяжно и жалобно раздалось снаружи.

Элиан потянул ручку на себя. На пороге стоял Нокс — несчастный, взъерошенный, с налипшими на лапы мокрыми листьями.

— И где мы изволили гулять? — поинтересовался архивариус.

— Там внезапно включили воду сверху! Причем в про-

мышленных масштабах! — Нокс пулей влетел в тепло холла, яростно отряхнулся, подняв фонтан брызг, и уселся брезгливо намывать уши.

— Надо же, дождь начался? А я отсюда и не заметила, — подколола его Полина.

— Естественно, вы же сидите в сухом помещении, — проворчал кот, продвигаясь ближе к камину. — Вашему величеству не обязательно реагировать на капризы природы лично.

Элиан вернулся на свое место, подлил горячей воды в чайник и разлил свежий чай по чашкам. А перед Ноксом на блюде аккуратно опустил сочный кружочек колбасы.

— Ну что ж, — Элиан тепло посмотрел на Полину. — О подсознании поговорили, о символах тоже, Нокса рассекретили. О чём еще побеседуем?

Полина задумалась. В голове крутились образы: её мысли о личности, Юнг, ожившие метафоры... Но об Элиане она до сих пор не знала практически ничего. Девушка хитро улыбнулась и опустила подбородок на ладони:

— А давай поговорим о тебе?

Элиан на секунду замер с чашкой в руке, так и не поднеся её к губам. Нокс мгновенно прекратил жевать колбасу, лихо запрыгнул на диван, устроился поудобнее и уставился на друга, явно предвкушая грандиозное зрелище.

— И что именно ты хочешь обо мне знать? — осторожно спросил архивариус.

— Всё! В мельчайших подробностях! — сдать друга с по-

трохами для Нокса было делом чести.

Полина прикрыла рот ладонью, сдерживая смех.

— Расскажи что-нибудь о себе. О твоём прошлом. Откуда ты?

Элиан опустил взгляд на скатерть, словно листая страницы памяти, которые сам уже начал постепенно забывать.

— Знаешь... я живу на этом свете уже очень, очень давно.

— Насколько давно? — тихо спросила Полина.

— Я уже стер из памяти точную дату своего рождения, — юноша грустно улыбнулся и посмотрел ей прямо в глаза.

— Но я отчетливо помню времена, когда весь этот мир за пределами нашего леса был совершенно другим...

Дверь 4. Триста лет одиночества

— Кажется, это было бесконечно давно, — тихо начал Элиан, и его взгляд стал туманным, направленным куда-то сквозь стены. — В те времена на улицах нельзя было встретить автомобили — только запряженных лошадьми экипажи и тяжелые повозки. Дамы носили пышные платья с жесткими корсетами, а джентльмены щеголяли в длинных кафтанах, из-под которых виднелись накрахмаленные камзолы и кюлоты — короткие штаны до колен. И, конечно, парики. Их надевали все, от мала до велика: ради статуса, моды или просто из соображений гигиены.

Архивариус чуть прикрыл глаза, и его голос зазвучал размеренно, словно он читал старинную летопись:

— В одном тихом провинциальном городке жил юноша. Его семья пользовалась глубоким уважением. Отец был суровым человеком дела — боевым генералом, который руководил крупными военными соединениями, разрабатывал оборонные программы и пекся о безопасности государства. Матушка же, натура тонкая и образованная, обучала французскому и английскому языкам детей из знатных сословий. А еще у юноши была младшая сестра, Эвелин. Настоящая художница, которая ни на минуту не расставалась с этюдником и кистями. Больше всего на свете она любила рисовать птиц и дикие пейзажи.

Элиан улыбнулся своим мыслям:

— В редкие свободные часы мы с сестрой сбегали на природу. Эвелин тащила масляные краски, а я никогда не выходил из дома без чистой записной книжки и гусиного пера с чернильницей. Я верил, что переносить мысли на бумагу — лучший способ познать самого себя. Помню, как мы устроились в тени старого раскидистого дерева. Сестра принялась наносить первые мазки на холст, а я мешал ей, расхаживая взад-вперед и разглядывая кроны сосен.

— Элиан! Будь так любезен, перестань загораживать мне птиц! — возмущенно воскликнула тогда Эвелин.

— «Будь так любезен, перестань загораживать мне птиц», — с усмешкой, точь-в-точь скопировав её интонацию, передразнил брат.

— Родителям определенно стоит удвоить усилия по твоему воспитанию!

— Брось, я ведь просто шучу.

Сестра строго посмотрела на свой рисунок, а затем лукаво прищурилась:

— Ты и с другими девушками намерен вести себя столь же непочтительно?

— Эвелин, умоляю, не занудствуй.

Она лишь покачала головой, пряча улыбку.

— На дворе стоял ноябрь, но день выдался на удивление теплым, — продолжал Элиан, и Полина ловила каждое его слово. — Солнце уже не грело по-летнему, но разливало во-

круг мягкий, умиротворяющий свет. Я наконец уселся на траву, открыл блокнот и занес перо. Помню ту запись почти дословно:

«Сегодняшний день не отмечен великими событиями. С самого утра я помогал отцу колоть дрова. Он твердо убежден, что подобный тяжелый труд выкует из меня настоящего мужчину. Но мне кажется, что ни охота, ни колка дров, ни ружье не способны сотворить человеческую зрелость. Я не ропщу, ведь эти часы я провожу подле отца, и это ценно. Однако мужественнее я себя от этого не чувствую. За чтением хорошего трактата или в процессе глубокой беседы я ощущаю себя собой куда сильнее. Досадно, что наш мир скован предрассудками: мужчине вменено быть лишь воином и добытчиком, женщине — хранительницей очага. Почему человек обделен свободой выбирать свой путь самостоятельно? Уповаю на то, что спустя столетия люди обретут эту мудрость».

Юноша ненадолго оторвался от рукописи. Небо над лесом стремительно темнело, западный ветер пригнал тяжелые свинцовые тучи.

— Воздух стал тяжелым. Похоже, грядет ненастье, — заметила Эвелин, прикрывая ладонью холст.

— Весьма наблюдательно, — отозвался Элиан, торопливо дописывая строчки:

«В то время как я упражнялся с топором, Эвелин помогала матушке у камина с завтраком. И снова ирония судьбы:

я куда больше люблю кулинарные изыски, книги и тихие домашние разговоры с матерью, тогда как моя дорогая сестра души не чает в мужских забавах. Она обожает верховую езду и не пропускает ни одной отцовской охоты. Благо, отец, несмотря на свой консерватизм, никогда не запрещал ей разделять с ним это увлечение. Надеюсь, когда-нибудь эту рукопись найдет новое поколение, прочтет и с улыбкой подумает: „Как странно они жили тогда“».

Прямо на чернильные строчки упала крупная капля, мгновенно размывая слово «поколение». Следом щелкнула вторая.

— О нет! — в сердцах воскликнула Эвелин. — Птицы перебрались на самую макушку, я не успела запечатлеть их крылья!

— Кажется, небо недвусмысленно намекает, что нам пора искать убежище.

Они побросали вещи в корзину и укрылись под кроной столетнего дуба.

— Ну почему всякий раз, стоит нам выбраться на прогулку, наши приключения неизменно венчаются ливнем? — сокрушалась сестра, отжимая подол.

— Не серчай. Мне думается, в шуме дождя человеческий голос звучит чище, а разговоры становятся более искренними.

Эвелин посмотрела на брата с легким скепсисом:

— Эту сентиментальную любовь к непогоде ты унаследо-

вал от матушки. Вы оба сотканы из этого теста. Полно тебе... Пстой. Ты слышишь? — она вдруг перешла на шепот и испуганно прижалась к его плечу. — Мы здесь не одни. Там, в чаще, будто чьи-то голоса...

— Вовсе нет, глупенькая. Это звуки самого леса. Дождь бьется о палую листву, птицы перекликаются на ветвях, словно слагают свою собственную поэму.

— Элиан, ты неисправимый романтик. Мы промокли до нитки, а ты толкуешь о поэмах. Я бы с куда большим восторгом выслушала твою лекцию в сухой беседке за чашкой горячего настоя, нежели под этим безжалостным водопадом.

— Тебе никто не говорил, что в определенные моменты ты бываешь невыносимо рассудительной?

— Когда ты сляжешь с лихорадкой, я повторю тебе это еще раз!

Ливень тем временем немного утих.

— Это наш шанс. Пора прорываться к дому, — скомандовала Эвелин и потянула его за рукав. — Идем же!

— И как же это произошло? — вдруг тихо спросила Полина.

Элиана словно сильным толчком выдернуло из глубин памяти. Он моргнул, огляделся вокруг и с удивлением обнаружил себя в гостиной: перед ним в кресле сидела Полина, на диване чинно восседал Нокс, за окном всё так же шумела непогода, а в его собственной руке подрагивала фарфоровая чашка с давно остывшим чаем.

— Прости, я увлекся... — архивариус грустно улыбнулся.
— Словно заново прожил то, чему уже никогда не суждено повториться.

— Но как это возможно? — Полина подалась вперед, в её глазах не было страха — лишь глубокое, искреннее изумление человека, прикоснувшегося к тайне. — Ты жил в позапрошлом веке, а может, и еще раньше. Получается, тебе... около трехсот лет?

Элиан и Нокс многозначительно переглянулись.

— Знаешь, я и сам не в силах объяснить это с точки зрения логики, — мягко ответил юноша. — Всё дело в этом месте. Наша библиотека подчиняется иным законам. Когда я впервые набрел на неё, здесь обитал другой человек. Сложно было определить его возраст с первого взгляда — он казался одновременно и старым, и застывшим вне времени. То был прежний Хранитель. Я стал приходить сюда всё чаще, шаг за шагом увязая в здешней тишине, пока в один прекрасный день не остался насовсем. С тех пор я почти не покидал этих стен.

— Здесь само время течет по совершенно иному руслу, Полина, — веско добавил Нокс, аккуратно расправляя усы лапкой. — Пока за пределами этого леса сменяются эпохи, проносятся десятилетия и рушатся империи, внутри библиотеки проживается всего пара-тройка спокойных дней.

Полина молчала, пытаясь уложить эту невероятную мозаику в голове. За последние часы мир перевернулся: сначала

благородный кот заговорил на чистейшем человеческом языке, теперь выясняется, что её собеседник — ровесник старинных фолиантов. Но внутри библиотеки всё это казалось странно правильным.

— Слишком много чудес на один квадратный метр, — улыбнулась девушка. — То Нокс рассуждает о философии, то Элиан раскрывает свой истинный возраст.

Кот и архивариус негромко, в один голос рассмеялись.

— Прости нам эту дозу потрясений, — с улыбкой произнес юноша.

— Зато согласишься, в нашей компании тебе определенно не грозит скука, — резонно заметил Нокс.

— И то верно, — согласилась Полина. — К таким странностям быстро привыкаешь. Но твоя история, Элиан, удивительна. Значит, у тебя была сестра...

Лицо архивариуса подернулось легкой тенью грусти:

— Да... Была.

— Если эти воспоминания ранят тебя, я не стану расспрашивать, — мягко перебила его Полина.

— Нет-нет, всё в порядке. Напротив, память о них — это то, что держит меня на плаву и позволяет оставаться человеком. Поэтому я продолжу.

Элиан сделал глубокий вдох, возвращаясь к истокам:

— Тот день тоже был пасмурным. Я медленно ехал верхом по лесной тропе, и на душе у меня было скверно. В ушах до сих пор звенел утренний тяжелый разговор с отцом:

— Ты уже взрослый человек, тебе пора остепениться и взять жену! — гремел генерал.

— Если я и свяжу себя узами брака, батюшка, то исключительно по взаимной любви! — непреклонно отвечал я.

— Любовь! Ты можешь искать её хоть целое столетие, но у нас нет этого времени. Не изволь беспокоиться понапрасну, мы с матерью уже всё устроили. Дочь моего почтенного соратника — девица благонравная, редкой красоты и с превосходным приданым. Как раз то, что тебе надобно. Осталось лишь представить вас друг другу.

— Батюшка, но вы слышите себя? Как можно связывать жизнь с той, чьей души я даже не знаю?!

— Как ты смеешь перечить родителю! Мал еще судить о таких вещах!

— Матушка тогда лишь безмолвно смотрела на меня, и в её глазах читались сочувствие и немая поддержка, — продолжал Элиан. — «Мал еще!» — сердито бурчал я себе под нос, спешившись в самой чаще леса. В порыве гнева я совершенно потерял счет времени и не заметил, как забрел вглубь чащи. Местность вокруг стала пугающе незнакомой. «Кажется, я окончательно заплутал», — с досадой подумал я.

Я взял кобылу за поводья, пытаюсь развернуть её назад, но умное животное лишь громко фыркнуло и наотрез отказалось двигаться с места.

— Ну же, милая, что с тобой? Идем.

Кобылка демонстративно отвернула морду, мягко потянула меня в противоположную сторону и уверенно пошла вперед. Я не стал сопротивляться — животные в таких делах куда мудрее нас.

— Ну и куда же ты меня ведешь? — тихо спросил я её.

Вскоре деревья расступились, и среди густой листвы показались очертания уединенного жилища. Это не был роскошный двухэтажный особняк, к каким я привык, а скорее уютная, заросшая плющом лачуга какого-нибудь древнего мудреца. Каменные стены местами покрывал пушистый изумрудный мох, а массивная дубовая дверь манила своей основательностью. Я замер на пороге, нерешительно переводя взгляд на свою верную спутницу. Лошадь лишь мирно прядала ушами, словно подталкивая меня вперед.

Набравшись смелости, я толкнул дверь. На удивление, она поддавалась с легкостью, хотя выглядела невероятно тяжелой. Внутри меня встретил густой аромат нагретого дерева и сушеных лесных трав, а из соседней комнаты доносился уютный треск камина.

— Прошу прощения! Есть ли кто дома? — позвал я.

Ответа не последовало. Тогда я осторожно прошел по коридору и очутился среди бесконечных стеллажей, ломившихся от книг. Чего там только не было: от строгих научных диссертаций, медицинских трактатов и географических атласов до редких трудов по астрономии, алхимии и нумерологии. Посреди этого бумажного царства находился мас-

сивный рабочий стол, на котором громоздились рукописи и стояла наполовину опустевшая чашка с каким-то ароматным снадобьем.

Мой взгляд упал на раскрытую небольшую книжицу. Я осторожно приподнял её и прочитал название на корешке. «Десять способов приготовить картофель». Я не сдержал искреннего смеха — это было так приземленно посреди всей этой вековой мудрости.

— Что же это за дивное место? — прошептал я вслух.

— Это место, куда приходят за вопросами, — неожиданно раздался глубокий, ровный голос прямо у меня за спиной.

Я стремительно обернулся. Предо мной стоял пожилой господин, чей истинный возраст не поддавался никакому определению. На нем был строгий темно-коричневый кафтан, аккуратный камзол и изящно повязанный шейный платок. Седые, как первый снег, волосы спускались до плеч, гармонируя с пышными усами и бородой, но главным были его глаза — в них светилась бездонная, вековая мудрость.

— Обычно воспитанные люди сперва стучат, — с напускным недовольством проворчал старик.

— Примите мои глубочайшие извинения, сударь. Мне показалось, что дом пуст.

Старик подошел к столу и бережно опустил на него охапку свежих трав, завернутых в плотную бумагу.

— Обычно все так и думают, — наконец ответил он, и его черты смягчились.

— Позвольте представиться, меня зовут Элиан.

— Я знаю, кто ты, мальчик мой, и прекрасно знаю, что привело тебя сюда.

У меня от удивления перехватило дыхание.

— Я — Горацио Мортен. Или, как зовут меня немногие гости, просто Хранитель.

— Хранитель? Вы оберегаете эти редкие книги?

— Я оберегаю знания.

В комнате повисла короткая тишина, а за окном, словно аккомпанемент к нашему знакомству, мерно застучал дождь.

— Разрешите узнать... — тихо спросил я. — Что это за место на самом деле?

— Юнец, ты слишком торопишься с расспросами, — Хранитель хитро прищурился. — Разве не твоя собственная душа привела тебя к этим дверям?

— Моя...

— Раз уж ты переступил этот порог, значит, ты внутренне готов, — Горацио выдержал вескую паузу, — самостоятельно отыскать ответы на всё, что тебя гложет.

— Сам? — я невольно изумился. — Не сочтите за дерзость, но в таком случае, какова же ваша роль здесь?

— Моя роль — уметь тебя выслушать.

Я замолчал, пораженный простотой его слов. Тишину вновь нарушил Хранитель:

— Не желаешь ли отведать горячего настоя на целебных травах? Он обладает удивительным свойством врачевать ра-

ны — причем не столько телесные, сколько душевные, — с доброй улыбкой предложил Горацио.

— С благодарностью приму ваше предложение.

Пожилой господин достал изящный керамический чайник, ошпарил его кипятком и принялся колдовать над заваркой, добавляя душистую мяту, сочную дольку лимона и пряный бадьян.

— Ну же, рассказывай, Элиан. Какая печаль тяготит твое сердце? — спокойно спросил Хранитель, пододвигая мне чашку.

Я посмотрел на струящиеся по стеклу капли дождя и после долгого колебания ответил:

— Я нахожусь на перепутье и совершенно не знаю, как поступить. Всё из-за воли батюшки. Он непреклонно требует, чтобы я заключил брак по расчету, лишая меня права на истинное чувство.

Я умолк, чувствуя, как тяжело даются эти слова.

— Видишь ли, я не в силах переписать твою судьбу, повлиять на решения генерала или изменить его нрав, — Горацио внимательно посмотрел на меня. — Но ты — можешь.

— Но каким образом? — в моем голосе прозвучало отчаяние.

— Элиан, мальчик мой, об этом тебе следует держать совет не со мной.

— А с кем же?

— С самим собой. Только в твоих глубинах сокрыт вер-

ный ключ. Ты можешь спросить себя: «Что для меня священнее — сыновний долг или моя личная свобода?» Или же: «Каким путем мне разрешить это противоречие, дабы сохранить мир в семье и не предать себя?» В конце концов, иногда достаточно просто честно и открыто поговорить с отцом, без юношеского бунта.

Вдруг тяжелая входная дверь библиотеки мягко отворилась, и в прихожей показался изящный женский силуэт. В полумраке коридора её лица было не разглядеть.

— Доброго дня, месье Мортен, — раздался чистый, мелодичный голос. — На улице снова разгулялась непогода.

— Здравствуй, дорогая! Уповаю, ты не слишком спешила? — с теплой улыбкой отозвался Хранитель. — Надеюсь, ты успела насладиться прохладным воздухом и ароматом влажной хвои?

— Я помнила о вашем наставлении и действительно остановилась на мгновение под кронами. Но затем дождь припустил с такой яростью, что вся романтика мгновенно улетучилась.

Они дружно и непринужденно рассмеялись.

— Что ж, присаживайтесь ближе к огню, дитя мое. Чаю? — спросил Горацию, хотя заранее знал ответ.

— Вы ведь прекрасно знаете, месье, что от вашей чавелы я отказаться не в силах.

Девушка грациозно опустилась в соседнее кресло, а пожилой господин удалился на кухню за чистой посудой. Гостья

повернулась ко мне:

— Меня зовут Эмилия де Виллерау.

— А я... просто Элиан.

— Элиан... — задумчиво повторила она, пробуя имя на вкус. — Прекрасное имя. Оно ведь прочно связано с образами чистого света, возвышенности и благородного происхождения.

Я замер, пораженный её словами — меньше всего я ожидал от незнакомки такой проницательности.

— У вас удивительное имя, Эмилия, — смущенно произнес я. — Но я, к глубокому сожалению, не смогу столь же поэтично поведать о его корнях.

Девушка мягко улыбнулась:

— Ничего страшного. Погостите у Горацио подольше, а потом непременно мне расскажете.

Из коридора слышались размеренные шаги Мортена, несшего поднос.

— Ну что, почтенная публика, успели свести знакомство? Вот твой настой, Эмилия.

— Благодарю вас, месье. Ах да, чуть не забыла! Я хочу вернуть книгу, которую вы любезно одолжили мне в прошлый визит.

— И каково твое суждение?

— Она оказалась невероятно познавательной.

— Я в тот миг словно застыл, — тихо произнес Элиан, возвращая Полину в реальность гостиной. — Я просто си-

дел и не мог отвести от неё глаз. Её каштановые волосы были небрежно собраны в пучок и сколоты изящной заколкой с мерцающими драгоценными камнями. Она была облачена в пышное дорожное платье, плотно утянутое в талии корсетом. А черты лица... они были удивительно мягкими: ясные, округлые глаза, маленький аккуратный носик и губы, словно очерченные идеальным луком.

— В эту девушку ты был влюблен? — негромко спросила Полина, затаив дыхание.

Элиан грустно, но очень тепло улыбнулся:

— Да... Это была тихая, глубокая влюбленность.

— Узнаю нашего драгоценного архивариуса, — с тонкой, доброй иронией промурлыкал Нокс с дивана.

— В каком смысле? — обернулась к нему Полина.

— А в таком, что у нашего Элиана влюбленность никогда не бывает громкой, — рассудительно пояснил кот, важно распрямив спину. — Он совершенно не из тех натур, что станут кричать о своих чувствах на всех перекрестках или устраивать серенады под окнами. Его преданность всегда безмолвна и глубока.

Полина перевела взгляд на юношу, и в её глазах отразилось понимание:

— И это самое прекрасное. Настоящее, зрелое чувство ведь не нуждается в громогласных клятвах. Оно проявляется в поступках, во внимании и в умении беречь.

Нокс и Элиан синхронно кивнули, соглашаясь с её мыс-

лю. Но Полина не удержалась от главного вопроса:

— А что... что произошло с Эмилией потом?

Элиан опустил голову, рассматривая переплетение узоров на ковре, и в комнате воцарилась тяжелая, звенящая тишина.

— Понимаешь, Полина... — негромко произнес он, и его голос слегка дрогнул. — В те далекие времена человечество еще не умело справляться со многими недугами. Медицина была слишком слаба, а эпидемии — безжалостны. Она сгорела от лихорадки буквально за неделю.

Архивариус замолчал. Нокс сочувственно поджал уши и тихонько вздохнул. Полина, повинувшись внутреннему порыву, тихо поднялась со своего места, шагнула к Элиану и мягко опустила ладонь на его вельветовое плечо.

— Мне так жаль... — искренне прошептала она. Элиан приподнялся навстречу и на мгновение крепко, с благодарностью обнял её.

— Спасибо тебе. Знаешь, я давно прожил и отпустил эту боль, она больше не ранит меня так, как прежде. К тому же я сознательно стараюсь не беречь старые раны и жить настоящим. Но память о ней — это светлая грусть.

Они посидели еще несколько минут в уютном молчании, слушая, как за стенами беснуется ветер. Полина решила перевести тему, чтобы немного разрядить атмосферу:

— А Нокс? Как вы нашли друг друга?

Кот на диване довольно прищурил изумрудные глаза, на его мордочке появилось выражение абсолютного удовлетво-

рения.

— О, этот джентльмен уже властвовал здесь до моего прихода, — улыбнулся Элиан.

— Еще при жизни Горацио?

— Именно так. Однажды я в очередной раз прискакал в библиотеку. В комнатах стояла непривычная, глубокая тишина — не скажу, что при Мортене здесь было шумно, но его невидимое присутствие всегда наполняло дом жизнью. Я обошел все залы, звал его, но безуспешно. А затем подошел к его рабочему столу. На сукне лежала короткая записка, выведенная его твердым почерком: «Элиан, мальчик мой. Я вижу, что твой час настал. Библиотека полностью приняла твою душу и признала тебя новым Архивариусом. Не тревожься об одиночестве — ты будешь здесь не один». Элиан ласково взглянул на диван: И прямо подле этой записки, свернувшись калачиком в кресле, безмятежно спал крошечный угольно-черный котенок. Хотя сам Горацио при жизни как-то вскользь упоминал, что этот кот обитал здесь еще до его собственного прихода.

— Да, это был именно я, во всем своем пушистом великолепии, — с достоинством подтвердил Нокс.

— Как необычно... — протянула Полина. — Получается, ты — истинный хозяин этого места.

— Безусловно, — важно моргнул кот. — Я — живая загадка этих стен.

— И ты поведаешь нам свою версию тех событий, Нокс?

— с надеждой спросила девушка.

— Ни в коем разе, дорогая Полина, — дипломатично уклонился кот. — Иначе весь мой таинственный флёр испарится без следа. Возможно, когда-нибудь, при совершенно иных обстоятельствах... но точно не в этот дождливый вечер. Полина с улыбкой покачала головой, а Элиан серьезно посмотрел на пушистого компаньона, после чего не выдержал и рассмеялся.

— А скажи, Нокс, ты ведь с Элианом тоже заговорил не сразу? — поинтересовалась девушка.

— О, далеко не сразу, — подтвердил архивариус. — Прошло немало дней. Первое время этот хитрец виртуозно разыгрывал роль самого обыкновенного кота и с поразительным упорством требовал подношений в виде еды каждые десять минут.

— Можно подумать, за эти триста лет мои базовые потребности претерпели какие-то радикальные изменения, — резонно возразил Нокс, поведя ухом.

В гостиной снова раздался дружный смех.

— И то верно, — согласился Элиан. — Но должен признаться, Полина: в свое время, когда этот господин впервые соизволил обратиться ко мне на чистом французском, я испугался куда сильнее твоего. У меня едва удар не случился.

— А прежде в библиотеке происходили подобные... чудеса? — спросила Полина.

— В разы реже, — серьезно ответил архивариус, глядя на

нее с намеком. — До твоего появления этот мир вел себя
гораздо спокойнее.

Дверь 5. Мост между прошлым и вечным

В библиотеке стояла глубокая, звенящая тишина. Полина задумчиво сидела за массивным столом, Нокс мирно дремал в своем любимом бордовом кресле, а Элиан неторопливо листал пожелтевшие страницы древнего фолианта.

Внезапно по залу пронесся странный, ни на что не похожий звук. Казалось, будто само каменное здание библиотеки сделало глубокий, тяжелый вздох. Воздух в комнате ощутимо уплотнился. В дальнем конце зала, прямо из колеблющихся теней между стеллажами, бесшумно соткалась фигура Горацио. Следом за ним, словно сойдя с невидимого холста, появилась Эвелин. А еще через секунду пространство у входной двери мягко прогнулось, возвращая в этот мир Эмилию.

Полина медленно, боясь дышать, поднялась со своего места.

— Элиан... — едва слышно выдохнула она.

— Я вижу, — отозвался архивариус, и его голос слегка дрогнул.

Нокс лениво приоткрыл один изумрудный глаз, повел ухом и тихо проворчал:

— Я, пожалуй, тоже это вижу.

— И... это нормально? — Полина перевела взгляд с одного Хранителя на другого.

— Нет, — в один голос ответили Элиан и Горацио.

— Замечательно, — подытожил кот, потягиваясь. — А я-то, наивный, уже начал скучать по былым спокойным временам.

Не задавая лишних вопросов, Горацио Мортен осторожно и внимательно осмотрелся вокруг, изучая ровные ряды книг, обновленные рамы окон и тяжелые засовы на дверях. Наконец его вековой взгляд остановился на Элиане.

— Значит, теперь ты здесь хозяин?

— В некотором роде, — сдержанно ответил молодой человек.

— Прощу прощения? — оскорбился в лучших чувствах Нокс, приподнимая голову. — В каком еще «некотором роде»?

Элиан бросил на пушистого компаньона выразительный и слегка раздраженный взгляд. Кот мгновенно оценил обстановку, картинно вздохнул и улегся обратно:

— Всё, всё, понял. Умолкаю. Власть предержажшие расходятся во мнениях.

— Значит, библиотека окончательно тебя приняла, — с искренней, отцовской гордостью произнес Хранитель.

Элиан едва заметно улыбнулся:

— Похоже на то, месье Мортен.

Горацио перевел взгляд на диван, где устроился черный

кот:

— А это что за почтенный господин?

Нокс даже не соизволил поднять головы, ответив с абсолютным достоинством:

— Местное руководство. Дирекция в моем лице.

— Разумно, — понимающе кивнул старик.

Эвелин тихо и звонко рассмеялась. Кот тут же открыл второй глаз и пристально посмотрел на сестру Элиана — его явно подкупило то, что молодая особа ни капли не испугалась говорящего животного.

— Мне определенно нравится этот пушистый джентльмен, — улыбнулась девушка.

— Редкого ума женщина, — одобрительно замурчал Нокс.

— Я ведь еще не сказала о тебе ничего выдающегося.

— Но потенциал чувствуется.

Горацио величественно опустился в свободное кресло у камина и снова окинул взглядом гостиную:

— Ты многое переставил по-своему, Элиан.

— А вы многое оставили неизменным, — парировал архивариус.

— Я лишь не видел нужды менять то, что и без того функционировало безупречно.

Элиан посмотрел на темные дубовые полки, уходящие под самый потолок:

— А мне всегда хотелось докопаться до сути — почему

каждая вещь находится именно на своем месте.

— И как, преуспел?

— Не до конца.

Старик тепло улыбнулся:

— Вот теперь ты действительно стал настоящим Архивариусом.

Пока мужчины вели беседу, Полина и Эвелин с живым интересом разглядывали друг друга. Словно повинувшись общему импульсу, они одновременно сделали шаг навстречу и сели на мягкий диван.

— У тебя потрясающее платье, — искренне подметила Полина, разглядывая старинный крой.

— Благодарю, твой наряд тоже весьма необычен, но очень тебе идет, — отозвалась Эвелин.

Обе девушки понимающе улыбнулись друг другу.

— Ты ведь... из совсем другой эпохи, верно? — осторожно спросила Полина.

— Судя по всему, да, — Эвелин огляделась по сторонам. — Но должна признать, здесь невероятно мило. Я Эвелин, сестра этого вечного ворчуна.

— Он рассказывал мне про тебя! А я Полина.

— Рассказывал? — Эвелин лукаво прищурилась, покосившись на брата. — И много гадостей наговорил?

— Напротив, только самое теплое и светлое, — с улыбкой заверила её Полина.

Элиан подошел к дивану и сел подле сестры. Его лицо све-

тилось неподдельным счастьем.

— До сих пор не верю собственным глазам. Ты действительно здесь.

— Я тоже несказанно рада тебя видеть, Элиан, — мягко ответила девушка.

Брат и сестра крепко, искренне обнялись.

Эмилия де Виллерау долгое время оставалась стоять у самой двери. В её миндалевидных глазах читалось легкое смятение — она не до конца осознавала, как и почему здесь очутилась. Внимательно изучив уютную обстановку гостиной, она бесшумно приблизилась к кофейному столику и грациозно опустилась во второе кресло. Нокс, не теряя времени, тут же перекочевал к ней на колени.

— Приветствую тебя, прекрасная леди, — вкрадчиво и вежливо произнес кот.

Эмилия на мгновение замерла, потрясенно глядя на говорящее чудо, но природное самообладание и мягкий нрав взяли верх. Она заметно расслабилась и осторожно погладила его по черной спине:

— Это бесконечно странно... Но здравствуй, милый котик.

Нокс в ответ довольно и громко замурчал.

Вдруг Эмилия встретила взглядом с Элианом. Между ними мгновенно проскочила искра прежней, недосказанной нежности. Оба неловко улыбнулись и синхронно отвели глаза, смутившись как подростки.

— Я несказанно рад видеть тебя, Эмилия, — тихо начал Элиан.

— И я тебя... очень рада видеть, — не менее робко отозвалась девушка.

В комнате повисла тишина. На этот раз она была слегка натянутой и неловкой от обилия скрытых чувств. И только Ноксу не было дела до человеческих метаний — он блаженно жмурился под ладонью Эмилии.

— Но всё же, как подобное чудо могло произойти? — нарушила молчание Полина, озвучив главный вопрос.

Горацио Мортен долго смотрел на пляшущие языки пламени в камине, обдумывая слова.

— Могу лишь предположить, дитя мое, что само это пространство распорядилось подобным образом.

— Но как? — нахмурился Элиан.

— Наша библиотека — живой организм, — веско произнес старый Хранитель. — Она принципиально не поддается сухим научным трактовкам.

— Значит, это всё-таки чистая магия? — в один голос воскликнули Полина и Эвелин.

Горацио одарил девушек загадочной улыбкой:

— Я не берусь утверждать это наверняка. Но и отрицать очевидное было бы глупостью.

За высокими окнами библиотеки по-прежнему шумел дождь. На лакированном дубовом столе исходил паром свежий чай, рядом на блюде высилась горка ароматных домаш-

них вафель, а Нокс уже успел перебраться на ковер — поближе к жару камина. Полина обвела взглядом собравшихся:

— Раз уж мы каким-то совершенно непостижимым, волшебным образом оказались под одной крышей... Может, поведаем друг другу свои истории?

— Превосходная мысль, — поддержала Эвелин.

— Только убедительная просьба: давайте обойдемся без унылых биографических справок, — вставил свои условия Нокс. — Я категорически отказываюсь три часа кряду слушать про чьи-то родословное древо и титулы.

Горацио с улыбкой посмотрел на кота:

— А сам-то ты намерен держать ответ перед публикой?

— Разумеется.

— И что же ты поведаешь?

Нокс важно расправил усы:

— Я кот... Собственно, на этом главные достоинства исчерпаны.

Элиан спрятал улыбку в кулак:

— Пожалуй, от тебя потребуют чуть больше пикантных подробностей.

— Хорошо. Вдобавок к первому пункту — я дьявольски хорош собой.

Эвелин весело рассмеялась.

Горацио, опершись ладонями на набалдашник своей трости, спокойно начал:

— Если говорить о моем земном времени... Мое рож-

дение пришлось на самое начало восемнадцатого века. Тот мир, попади вы туда сейчас, показался бы вам неописуемо изящным и одновременно — катастрофически неудобным.

Полина ловила каждое его слово, а старик продолжал:

— Величественные каменные особняки, скрип карет, мерцание свечей, пышные балы и театры. Общество возводило в абсолют манеры, чистоту происхождения, покрой платья и светскую речь. Но под этой глянцево́й маской скрывался куда более суровый порядок. Мир был жестким. Прорваться к свету было почти невозможно, если тебе не посчастливилось родиться в правильной семье, со средством или нужным полом. — Он ненадолго умолк, глядя на огонь. — Я слишком рано осознал: ни одна эпоха не бывает исключительно прекрасной или до конца ужасной.

Элиан согласно кивнул, а Горацио завершил мысль:

— В юности я буквально жил среди книжных стеллажей. История, философия, естественные науки... Но больше всего я ценил людей, которые имели смелость задавать этому миру неудобные вопросы.

Эвелин тонко усмехнулась:

— Стало быть, ме́сье Хранитель, в свое время вы были весьма опасным господином.

— Порой чистое любопытство разит куда сильнее любого оружия.

— Вот именно поэтому я и предпочитаю добрую докторскую колбасу, — веско заметил Нокс. — Колбаса, слава со-

здателю, вопросов не задает.

Полина и Эвелин переглянулись и дружно засмеялись. Даже Эмилия, поначалу смущенная, теперь открыто улыбалась.

— Знаете, после столь величественного монолога Горацио мне говорить гораздо легче, — мягко произнесла она. — Я росла в доме, где во главу угла ставили образование и безупречный тон. Но втайне мне всегда хотелось посвятить жизнь тому, к чему лежало мое собственное сердце.

Она негромко, но очень поэтично рассказала о любимых романах, уединенных часах за фортепиано, прогулках под зонтом и о своей страсти к музыке.

— Больше всего на свете мне нравилось подмечать едва уловимые детали, — призналась Эмилия. — То, как человек держит фарфоровую чашку. Как мимолетно поправляет выбившийся локон. Как в долю секунды меняется выражение его глаз во время важного разговора.

Полина понимающе улыбнулась:

— Ты истинный созерцатель.

— Наверное, так и есть, — согласилась Эмилия и чуть погрустнела. — А еще я жила музыкой. Порой могла часами слушать одну и ту же мелодию, раз за разом находя в ней новые смыслы.

Нокс многозначительно посмотрел на Элиана:

— Ну вот, теперь пазл окончательно сложился.

— О чём ты, Нокс? — нахмурился архивариус.

— О том, почему ты в свое время все уши мне прожужжал рассказами о классических композициях и гармонии звуков.

Щеки Эмилиии подернулись нежным румянцем, и она едва заметно улыбнулась.

— А между прочим... — добавила она, лукаво взглянув на Элиана. — Наш дорогой архивариус далеко не всегда был таким образцово спокойным и рассудительным, как сейчас.

Эвелин мгновенно подалась вперед, в её глазах вспыхнул азарт:

— О! А вот с этого места, поподробнее, умоляю!

— Эмилия, — предостерегающе произнес Элиан.

— Что?

— Мы условились поведать о себе, а не устраивать разоблачения.

— Так я и повествую о тебе — как о части своей жизни.

Полина весело рассмеялась, глядя на их препирательства.

Эвелин устроилась поудобнее, вертя в пальцах оставленный на столе карандаш.

— А я, сколько себя помню, бредила рисованием, — подхватила она. — Могла часами сидеть на одном месте с чистым листом бумаги, высматривая какую-нибудь птицу или человека, пытаясь перенести на холст не просто контуры, а саму душу, сиюминутное настроение. И, разумеется, моим излюбленным занятием было подмечать то, что Элиан так тщательно пытался скрыть от домашних.

Элиан театрально вздохнул:

— Ну всё, началось...

— Он ведь с самых пеленок был невыносимо, просто пугающе серьезным мальчиком!

— Это наговоры, Эвелин. Я был обычным тихим ребенком.

— Тихим? Помилуй! Кто из нас двое часа три кряду спорил с почтенным учителем словесности о том, способна ли старинная книга обладать собственной живой душой?

Полина с искренним восторгом повернулась к архивариусу:

— Серьезно? И сколько тебе тогда было?

— Десять лет, — нехотя буркнул Элиан. — И вообще, я был кругом неправ.

Эвелин торжествующе улыбнулась:

— Вот видите? Спустя триста лет он наконец-то это признал! — Однако её голос тут же смягчился, наполнившись глубокой нежностью. — Но при всей своей напускной строгости он всегда оставался самым добрым братом на свете. Просто берег это тепло только для самых близких.

Элиан ничего не ответил. Он лишь молча посмотрел на сестру, и в этом взгляде было столько любви, что слова стали не нужны.

В гостиной снова воцарилась мягкая тишина. Элиан погрел ладони о теплую чашку:

— Мне, признаться, всегда было чертовски сложно говорить о собственной персоне.

Нокс, лениво потянувшись на ковре, прищурился:

— Это оттого, мой дорогой друг, что ты производишь слишком много избыточных мыслительных операций на единицу времени.

— Премного благодарен за диагноз.

— Всегда к твоим услугам.

Архивариус улыбнулся и продолжил, посерьезнев:

— Я застал слишком много эпох. И, пожалуй, именно поэтому отчетливо осознаю одну простую истину. — Он мягко провел пальцами по кожаному корешку лежащей рядом книги. — Люди во все времена склонны считать свой век уникальным. Каждому поколению кажется, что именно они живут в эпоху радикальных, невиданных перемен. Что мир несется вперед быстрее, чем когда-либо. Но если задержаться на этой земле подольше, начинаешь подмечать незыблемую закономерность. Люди без конца меняют фасоны платьев, изобретают новые языки, совершенствуют способы связи и перестраивают города до неузнаваемости. Но базовые вещи — наши страхи, робкие надежды, чистая любовь, горькая зависть, глухое одиночество и отчаянное стремление быть наконец-то понятым — остаются абсолютно идентичными во все века.

Горацио Мортен внимательно, с глубоким одобрением посмотрел на своего преемника:

— Именно поэтому, мальчик мой, библиотека и выбрала тебя своим архивариусом.

— Возможно, — тихо согласился юноша.

Он коротко, без лишнего пафоса рассказал о Горацио — как о человеке, который когда-то открыл перед ним эти двери и научил видеть в книгах не просто напечатанный текст, а живых собеседников. Затем его взгляд скользнул по Эмили:

— А она... она научила меня тому, что по-настоящему дорогие нам люди навсегда остаются рядом. Даже тогда, когда физически их больше нет в живых.

Эмилия опустила глаза.

Затем Элиан повернулся к сестре:

— Ну а Эвелин...

— Только попробуй выдать какую-нибудь приторную сентиментальную глупость, и я запущу в тебя этой подушкой, — шутливо предупредила девушка.

— ...Эвелин всю мою сознательную жизнь виртуозно мешала мне превратиться в окончательного зануду.

— Вот это я понимаю, справедливая оценка, — рассмеялась сестра.

Нокс тем временем чинно пересел на самую середину ковра перед камином и принялся замороженно созерцать танец искр. Вся компания дружно уставилась на пушистого философа.

— Нокс... — позвал Элиан.

— Чего вам?

— Мы все честно открыли свои души. Твоя очередь.

— Извольте пощадить мою репутацию загадочного и недостижимого существа! — картинно возмутился кот.

— Ну же, милый Нокс, не вредничай, — жалобно протянула Эвелин.

Кот обреченно вздохнул, укладывая лапы перед собой:

— Ну хорошо, уговорили. Я родился котом.

Полина хихикнула:

— Потрясающее начало, Нокс. Этот факт мы уже как-то зафиксировали.

— Не перебивайте докладчика, это лишь преамбула, — строго осадил её кот. — Так вот, продолжим.

И Нокс принялся расписывать библиотеку так, словно речь шла о его личном суверенном королевстве. Он поведал о своих излюбленных потайных местах на самых верхних полках, о литературных вкусах: оказалось, он питал слабость к старинным приключенческим романам, о своей лютой ненависти к закрытым дверям и о том, что считает себя непревзойденным хищником, пускай его единственной крупной добычей за последние года и осталась одна назойливая ноябрьская муха.

— И вдобавок ко всему — я на дух не переношу собак, — отрезал кот.

— О, а с ними-то что не так? — любопытствовала Полина.

— Они слишком шумно и нетактично существуют в пространстве, — брезгливо повел ухом Нокс.

Эвелин снова покатила со смеху. Кот переждал веселье, и вдруг его мордочка стала непривычно серьезной. Он посмотрел на огонь, и его голос зазвучал тише:

— За эти века я перевидал бесчисленное множество двуногих. Кто-то забредал в эти залы в поисках спасения, кто-то уходил навсегда, едва закрыв книгу. Кто-то возвращался спустя годы. И... я научился безошибочно понимать одну вещь. Человек может годами спать с тобой в одной комнате и оставаться абсолютной, непроницаемой тайной. А порой кто-то переступает порог всего один-единственный раз... — Нокс медленно повернул голову и пристально, с глубоким теплом посмотрел прямо на Полину. — ...и ты с первого же взгляда понимаешь: этот гость отсюда уже никуда не уйдет. Он обязательно вернется.

Полина мягко улыбнулась, чувствуя, как к горлу подкатил комок:

— Ну вот, Нокс. А говорил, что ты не философ.

Кот тут же демонстративно отвернулся к камину, пряча смущение:

— Всё, аудиенция окончена. Лимит мудрости на сегодня исчерпан.

Компания на мгновение замолкла, а затем все взгляды синхронно скрестились на Полине. Девушка неловко повела плечами:

— Ну... Если честно, на фоне ваших вековых хроник моя повседневная жизнь покажется вам чем-то совершенно фан-

тастическим и даже немного безумным.

И Полина принялась увлеченно рассказывать им о своем, двадцать первом веке. Она говорила о крошечных карманных телефонах, вмещающих в себя знания всего мира, об Интернете, о возможности слушать музыку в невесомых наушниках прямо на ходу, о гигантских железных птицах-самолетах и компьютерах. О том, что теперь можно в секунду увидеть на экране и услышать человека, находящегося на противоположном конце земного шара.

Эмилия слушала её, буквально открыв рот и прижав ладони к груди:

— Ты хочешь сказать... вы способны созерцать лик того, кто находится за тысячи миль от вас? И вести с ним живую беседу?

— Да, абсолютно свободно, — кивнула Полина.

Горацио Мортен пораженно покачал головой, вглядываясь в Полину:

— Невероятный, поистине великий век.

Полина продолжала, рассказывая о том, что современные женщины получили полное право учиться в университетах, работать наравне с мужчинами и самостоятельно, без оглядки на волю отцов, выбирать свою судьбу. О том, какими свободными стали люди. Но она не стала скрывать и обратную сторону прогресса. Девушка тихо говорила о том, что высокие технологии, к сожалению, не сделали человечество автоматически счастливее. О том, что гнетущее одиночество в

толпе по-прежнему разъедает души, а люди всё так же, как и триста лет назад, бьются в кровь в поисках истинной дружбы, любви и своего подлинного предназначения. А под конец, немного смущаясь под внимательными взглядами Хранителей, Полина призналась, что... пишет. Рассказала о невидимых дверях, рождающихся в её сознании персонажах и о тех удивительных ночах, когда ты не можешь сомкнуть глаз, потому что внутри твоей головы внезапно, во всех деталях, начинает оживать целая сцена.

Эвелин тепло и понимающе улыбнулась:

— Значит, Полина, ты тоже художница.

— Только мой холст — бумага, а кисти — обычные слова.

— Это не имеет значения, — мягко возразила сестра Элиана. — Это всё равно самое настоящее рисование.

Элиан посмотрел на Полину с едва уловимой, восхищенной улыбкой:

— Именно так. Самое чистое из всех возможных.

И тогда Горацио Мортен тихо, веско произнес:

— Поразительно.

Все обернулись к старому Хранителю. Он медленно обвел взглядом каждого из присутствующих:

— Мы сегодня соединили в этой комнате три разных столетия. И выяснилось, что несмотря на колоссальные пропасти между нашими мирами, одеждами и привычками...

— ...мы всё равно без конца говорим об одном и том же,
— подхватила Эмилия, ласково глядя на Элиана.

— О чём же? — тихо спросила Полина.

Горацио лучезарно улыбнулся:

— О том, как остаться человеком и правильно прожить свою единственную жизнь.

Нокс на ковре издал глубокое, умиротворенное мурчание.

— Ну и о том, где раздобыть первосортный окорок, разумеется.

Эвелин звонко расхохоталась, Эмилия шутливо прикрыла лицо ладонью, Элиан обреченно покачал головой, а Полина поймала себя на мысли, что лучшего, более теплого вечера в её жизни еще никогда не было. Она замерла на секунду, прислушиваясь к внутренним ощущениям, а затем негромко произнесла:

— Знаете... Если отбросить все шутки. Слушая ваши истории, я вдруг поймала себя на совершенно отчетливом, пронзительном чувстве дежавю. И это пугает. То, что мы за просто путешествуем сквозь века, уже кажется мне нормальным. Но это ощущение...

В гостиной мгновенно воцарилась глухая, напряженная тишина. Элиан медленно, с тихим стуком опустил чашку на лакированный стол.

— Расскажи подробнее, Полина. Это действительно интригует.

Горацио Мортен слегка нахмурился, подавшись вперед и внимательно всматриваясь в лицо девушки:

— Дежавю — коварная штука. Это миг, когда настоящее

с пугающей точностью совпадает с чем-то, что твоя душа как будто уже однажды прожила.

— Но если ты абсолютно уверена, что ничего подобного в твоей прежней реальности не происходило... — осторожно добавила Эмилия.

— ...тогда неизбежно назревает вопрос, — закончил мысль Элиан, не сводя с нее глаз. — Что именно из своего опыта ты сейчас умудрилась вспомнить?

Нокс недовольно приоткрыл один глаз:

— Только не говорите мне, что наша драгоценная библиотека теперь вдобавок к хроно-фокусам начала еще и без спроса воровать чужие воспоминания.

— Или возвращать их на законное место, — подмигнула Эвелин.

Кот обернулся к ней:

— Первый вариант с экспроприацией мне нравится куда больше. В нем есть приятный криминальный флёр.

Элиан перевел задумчивый взгляд на корешки книг на стеллажах:

— Но ведь главная странность даже не в том, что мы нарушили линейность эпох. Мы сейчас сидим здесь и ведем беседу о прошлом, настоящем и о людях, которые физически никак не могли оказаться в одной временной точке... — Он на секунду замолчал. — И при всём этом некоторые реплики кажутся мне знакомыми еще до того, как они срываются с ваших губ.

Горацио медленно, веско кивнул головой:

— Возможно, друзья мои, истинная природа библиотеки кроется в ином. Она вовсе не перемещает смертных людей сквозь пласты времени.

Полина затаила дыхание:

— А что же она делает?

— Возможно, она бережно перемещает само время к нужным людям.

Нокс на ковре принял глубокомысленную позу:

— Изложено было неопишимо красиво. Поэтично, я бы сказал.

Горацио шутливо поклонился:

— Премного благодарен.

— Но я абсолютно ничего не понял, — безжалостно обрубил кот.

Эвелин покатила со смеху, а Элиан посмотрел на Полину еще пристальнее:

— Не бойся этого чувства, Полина. Возможно, это обычная игра уставшего разума. А возможно... — его взгляд скользнул к тяжелой дубовой двери, ведущей в самый старый, архивный коридор здания, — ...возможно, в каком-то смысле ты действительно уже однажды присутствовала при этом разговоре.

Нокс мгновенно сел прямо, наострив уши:

— Так, минуточку.

— Что такое, Нокс?

— Если в итоге выяснится, что она уже тайно посещала нас в прошлых жизнях... — Кот строго уставился на Полину.
— Я требую огласить весь список: приносила ли она тогда с собой приличные мясные угощения или явилась с пустыми руками, как и сегодня?

Элиан искренне рассмеялся:

— Ну вот, баланс сил восстановлен. Всё снова вернулось на круги своя.

Эмилия де Виллерау мягко коснулась пальцами запястья Полины:

— Полина, а на каком именно моменте тебя настигло это дежавю? Попробуй вспомнить.

Девушка прикрыла глаза, мысленно прокручивая весь недавний диалог.

— Кажется... в тот самый миг, когда мы говорили с Эвелин. Про рисование словами.

Нокс довольно прищурился. Эвелин вдруг резко оборвала свой смех, её лицо посерьезнело, и она уставилась на Полину неморгающим взглядом:

— Как странно... Потому что теперь, когда ты озвучила это вслух, у меня самой внутри шевельнулось нечто подобное.

Эмилия осторожно переводила взгляд с одной девушки на другую:

— Ощущение, будто этот разговор уже когда-то звучал в этих стенах?

— Именно, — выдохнула Полина.

Элиан долго хранил молчание, глядя на раскрытую старую книгу на столе.

— В таком случае я бы не стал списывать это на банальную причуду памяти.

— Это еще почему, о мудрейший? — повернулся к нему Нокс.

— Потому что Полина описывает совершенно иной ментальный феномен, — тихо ответил архивариус. — Это не просто смутное чувство «мне кажется, я это где-то видела». Ты ведь в секунду дежавю словно физически отделилась от своего тела, вышла из круга и увидела всю нашу мизансцену со стороны. Как готовый сторонний наблюдатель. Как читатель.

Полина потрясенно закивала, чувствуя, как по спине побежали мурашки:

— Да! Именно так! Один в один!

Горацио Мортен медленно поднял голову, и в его глазах вспыхнул пронзительный догадливый огонек:

— Возможно, дитя мое, ты сейчас вспомнила вовсе не свое прошлое.

— А что же тогда?!

Элиан подался вперед и произнес это почти шёпотом:

— Свое будущее.

В комнате мгновенно стало оглушительно тихо. Слышно было лишь, как крупные капли дождя мерно барабанят по

стеклу. Эвелин во все глаза смотрела на брата:

— Элиан, ты сейчас это серьезно?

— Я не знаю наверняка, — он едва заметно улыбнулся.

— Но если наша библиотека действительно способна связывать воедино самые разные эпохи... почему мы решили, что она умеет работать исключительно с прошлым и настоящим? Почему бы ей не подтянуть сюда грядущее?

Нокс недовольно зашевелил кончиком хвоста, нервно переступая лапами:

— Мне категорически не нравится вектор, в котором устремилась наша ученая беседа.

— Это еще почему, пушистый владыка?

— Да потому что если Полина уже видела этот разговор в будущем... — Кот со страхом посмотрел на Эвелин. — ... это означает, что ты, Эвелин, этот вопрос ей еще даже не успела задать! А мы его уже всю пережевываем!

— И действительно, — задумчиво протянула Эмилия. — Мы сидим внутри момента, который для Полины уже стал воспоминанием, а для нас еще даже не наступил.

Элиан откинулся на спинку кресла, не сводя глаз с Полины:

— Значит, произошло нечто поистине грандиозное. Ты умудрилась на долю секунды выхватить из грядущего и вспомнить тот миг, который нам всем только предстоит прожить.

Нокс резко вскочил на все четыре лапы, вздыбив шерсть

на заливке:

— Всё! Хватит!

— Что «всё», Нокс?

— Я официально, как высшее руководство этого заведения, запрещаю библиотеке демонстрировать нам спойлеры будущего без предварительного письменного уведомления!

Эвелин прыснула со смеху:

— И как, по-твоему, должно выглядеть это уведомление?

Кот важно и торжественно поднял переднюю лапу:

— Строго по форме: *«Внимание, почтенная публика! Через пять минут в гостиной произойдет очередная необъяснимая чертовщина. Просьба сохранять хладнокровие, а запасы колбасы немедленно эвакуировать в безопасное место».*

Полина искренне, звонко рассмеялась, чувствуя, как липкий страх перед неизвестным мгновенно испарился под кошачьим юмором. Но Элиан оставался задумчивым.

— И всё же... Знаешь, что интригует меня во всей этой истории сильнее всего? — спросил он.

— Что?

— Почему библиотека подсветила для тебя именно этот конкретный разговор? — Архивариус перевел взгляд на сестру. — Не какое-то масштабное историческое потрясение, не смертельную опасность и не великую тайну мироздания. Всего лишь несколько совершенно обычных, бытовых фраз у камина. Наверное, всё дело в том, что именно

из таких крошечных, теплых и искренних мгновений в итоге и складываются наши самые настоящие, вечные воспоминания.

Горацио тихо, согласно прикрыл глаза:

— Или потому, мальчик мой, что некоторые слова изначально были предначертаны и произнесены в вечности... — Старик обвел взглядом книжные стеллажи. — ...просто не в той строгой и скучной последовательности, которую мы, смертные, привыкли именовать временем.

И в этот самый миг на одной из дальних, погруженных в полумрак полок произошло нечто странное. Старинная толстая книга без какого-либо постороннего вмешательства плавно, словно ведомая невидимой рукой, выдвинулась из общего ряда на несколько дюймов.

Нокс мгновенно перевел туда испуганный взгляд и запричитал:

— Сразу заявляю: я сидел у камина и ничего лапами не трогал! Прошу занести в протокол!

— Никто тебя и не винит, Нокс, — успокоил его Элиан, поднимаясь с места.

— Я просто предупреждаю на случай предвзятого расследования.

Архивариус неторопливо подошел к стеллажу и бережно снял выдвинувшуюся книгу. Её обложка из грубой темной кожи была абсолютно чистой — ни названия, ни имени автора, ни года издания. Элиан вернулся к свету камина и осто-

рожно раскрыл фолиант на первой странице. Там, посреди идеальной белизны листа, от руки была выведена всего одна-единственная короткая строка.

Юноша пробежал по ней глазами и медленно прочитал вслух:

— *«Некоторые истории сначала долго и бережно вспоминают самих себя... и лишь затем, наконец, происходят в реальности».*

Элиан закрыл книгу и поднял на Полину долгий, пронзительный взгляд, полный немого осознания. Кажется, сама библиотека решила жирной точкой завершить их философский спор. И стоило этому смыслу укорениться в сознании Полины, как воздух в гостиной снова неуловимо изменился. Пламя в камине на мгновение вспыхнуло ярким янтарным светом, а затем тени у стен мягко и плавно потянулись вперед, укутывая гостей из прошлого. Горацио Мортен поднялся, оперся на трость и ласково улыбнулся Полине на прощание. Его фигура начала медленно терять четкие контуры, превращаясь в легкую, золотистую дымку, пахнущую старинными страницами и сушеной мятой. Следом за ним Эвелин помахала Полине рукой, и её силуэт растаял, оставив в воздухе едва уловимый, свежий аромат льняного холста и масляных красок. Эмилия де Виллеруа бросила последний, полный нежной грусти взгляд на Элиана, тепло улыбнулась Полине, и её образ беззвучно растворился в полумраке, унося с собой шлейф тонкого аромата роз и старинного шелка.

Они не исчезли болезненно — они просто вернулись в свои тихие гавани времени, выполнив ту важную миссию, ради которой их соткало воображение Полины. В гостиной снова остались только трое: Полина, Элиан и Нокс, а на столе мирно остывал чай.

Дверь 6. Память.

Архивы чужого сердца

Полина решительно переступила порог библиотеки. В залах царила привычная, глубокая тишина. Девушка осмотрелась: на кофейном столике в гостиной громоздилась целая гора старых фолиантов.

— Ага, вот ты где, Нокс! — Полина с улыбкой приподняла один из открытых томов. Прямо под ним, свернувшись калачиком, безмятежно спал кот.

— Кто? Где? Что? — проснувшись от неожиданности, испуганно закричал пушистый джентльмен, взъерошив шерсть.

— Ой, Нокс, прости, я совсем не хотела тебя напугать.

— А, Полина, это ты... — Кот окончательно пришел в себя, выбрался из своего бумажного укрытия и несколько секунд сонно моргал, глядя на гостью. — Ты уже вернулась? Признаться, я искренне рад тебя видеть.

— И я тебя, Нокс. А где наш дорогой Архивариус? — поинтересовалась она, оглядывая комнату.

— Как это — где? Разве он не здесь? — с искренним удивлением переспросил кот.

Полина еще раз внимательно осмотрела гостиную:

— Похоже, что нет. Странно. Обычно его можно застать

где-нибудь между стеллажами.

Нокс чинно уселся на столе, почесал задней лапой за ухом и озадаченно посмотрел в сторону темного дальнего коридора.

— Хм... А ведь я был абсолютно уверен, что сегодня он дежурит в зале.

— Ты был уверен в его присутствии или просто надеялся, что он принесет тебе свежую порцию колбасы?

— Одно другого никак не исключает, дорогая Полина. Девушка тихо рассмеялась:

— Может, он отлучился по каким-то важным делам?

— Элиан? И ушел, не оставив подробных инструкций? — Нокс глубоко задумался. — Вот это уже выглядит по-настоящему подозрительно.

— Вот только не надо снова начинать твои теории про загадочные двери.

— Я, заметь, про двери не проронил ни слова.

— Но это пока.

Кот грациозно спрыгнул со стола и прошествовал несколько шагов по темному коридору.

— Элиан! — позвал он.

Тишина.

— Архивариус! Выйди к дирекции!

Никакого ответа. Нокс вернулся обратно, разочарованно повесив хвост:

— Ладно. Приходится признать: его действительно здесь

нет.

Полина слегка нахмурилась:

— А ты имеешь хоть малейшее представление, куда он мог направиться?

— Ни малейшего.

Взгляд Нокса упал на открытую книгу, из-под которой его только что извлекли.

— Но тут есть одна весьма интригующая странность.

— Какая еще странность?

— Наш Архивариус никогда, слышишь — никогда не оставляет этот конкретный фолиант открытым.

Девушка подошла ближе:

— И что же это за книга?

Нокс выразительно посмотрел на нее, указывая лапой на пожелтевший разворот. Полина осторожно заглянула в текст. На первый взгляд, страница не таила в себе ничего сверхъестественного: ровные строчки старинного шрифта, выцветшие от времени листы, аккуратные латинские заметки на полях. Но в самом низу страницы, прямо между двумя финальными абзацами, свежими чернилами — которых раньше там совершенно точно не было — была выведена короткая изящная фраза:

«Если ты вернулась в эти стены раньше, чем ожидала сама... значит, и библиотека тоже очень тебя ждала».

Полина несколько секунд заворуженно смотрела на ровные буквы. Нокс медленно приблизился к ней, заглядывая в

книгу.

— Полина...

— Да?

— Я всем своим кошачьим сердцем надеюсь, что эту записку оставил именно Элиан.

— А если это был не он?

Кот перевел тревожный взгляд на пустой темный коридор и шумно сглотнул:

— Тогда... тогда нам жизненно необходимо отыскать его до того, как сама библиотека решит наглядно объяснить нам, что здесь происходит.

Полина ощутимо напряглась, чувствуя, как к сердцу подступает тревога:

— Я очень волнуюсь за Элиана. Куда он мог исчезнуть?

— Так, отставить панику. Руководству нужно спокойно поразмыслить.

Они синхронно опустились на мягкий диван и молча принялись напрягать свои серые клеточки.

— Слушай, Нокс... В этой библиотеке ведь скрыто множество дверей?

— Не совсем так, Полина, — рассудительно отозвался кот. — В этих стенах обычно материализуются только те двери, в которые человек уже внутренне готов войти.

Девушка задумалась, перебирая в памяти их недавние разговоры:

— Тогда в какую дверь Элиан был готов войти именно

сейчас? Он точно ничего не говорил накануне? Может, была какая-то тема, на которую он обратил особенное внимание?

Нокс перестал шевелить ушами и нахмурил лоб, погружаясь в воспоминания.

— Накануне... Нет, мне он ничего подобного не сообщал. По крайней мере, напрямую.

Полина пытливо посмотрела на него:

— А что означает это твое «по крайней мере напрямую»?

— Ну... — Нокс дипломатично отвел глаза. — У нашего Архивариуса есть привычка разговаривать с самим собой, когда он о чём-то напряженно размышляет. И порой эти думы уводят его так глубоко, что он напрочь перестает замечать окружающий мир.

— И о чём же он думал в последний раз?

Кот встрепенулся:

— О времени! Точно!

— О времени?

— Да. Мы сидели здесь поздним вечером. Он лениво листал какой-то старинный трактат, а потом вдруг произнес вслух: «Интересно, почему некоторые двери материализуются только тогда, когда человек уже окончательно созрел, чтобы их открыть?»

Полина замерла:

— Он действительно так сказал?

— Почти дословно.

— А что было дальше?

— А дальше он очень долго и многозначительно смотрел на одну из глухих панелей в самом дальнем коридоре.

— На какую именно?

Нокс поднял на нее глаза:

— А вот этого я не ведаю. Потому что когда я попытался прояснить ситуацию, он лишь отмахнулся: «Пока сам не знаю».

Девушка медленно поднялась с дивана:

— Нокс... ты ведь прекрасно понимаешь, что всё это до боли напоминает то, что разворачивается прямо сейчас?

— Осознаю.

— Стало быть, он мог войти именно в ту дверь?

Кот посмотрел на нее с предельной серьезностью:

— Вполне мог.

— Тогда у нас нет выбора — нам нужно её отыскать.

— Согласен. Вперед.

Они быстрым шагом направились к дальнему архивному крылу. Полина шла впереди, а Нокс следовал за ней, ведя себя непривычно тихо и собранно. Но стоило им обогнуть массивный угловой шкаф с фолиантами, как кот резко замер на месте.

— Полина...

— Что случилось?

— Посмотри туда.

Прямо в каменной стене, где еще минуту назад виселась обычная полка с книгами, теперь красовалась дверь. Старая,

выполненная из темного дуба, с тусклой латунной табличкой по центру. На металле было выгравировано всего одно емкое слово: «Память». Полина удивленно повернулась к спутнику:

— Она ведь... не могла здесь быть раньше?

Кот медленно, заворуженно покачал головой:

— Нет. Её здесь точно не было.

Девушка протянула руку к кованой ручке, но Нокс тихо предостерег её:

— погоди секунду.

— Почему?

— Потому что здешняя библиотека никогда не демонстрирует свои двери просто ради развлечения. — Он пытли-во заглянул Полине в глаза. — И если Элиан действительно переступил этот порог...

Кот внезапно осекся.

— Что? Договаривай, Нокс!

— Я очень боюсь, Полина, что он не просто искал эту дверь.

Девушка нахмурилась:

— А что тогда?

Нокс перевел взгляд на зловещую латунную надпись:

— Может быть... эта дверь сама долго и упорно искала его.

Полина потерла виски, чувствуя, как голова идет кругом:

— Ох, у меня от этого места скоро мозг закипит. Что ни

день, то новое мистическое приключение.

— А чего ты ожидала, дорогая? Ты находишься в странстве, где книги — это самое банальное и предсказуемое, что только можно встретить, — с тонкой иронией заметил кот.

— «Память»... — прочитала вслух Полина. — Интересно, чья именно?

— Не имею доказательств, но интуиция подсказывает, что нашего Архивариуса.

— Ну, ему точно есть что вспомнить. Всё-таки три века на этом свете топчется.

— Ой, я тебя умоляю! — Нокс картинно фыркнул и гордо распрямил хвост. — Добрую половину этого срока он просто безвылазно сидел в этих залах и меланхолично читал свои заумные трактаты. Вот я — я действительно повидал на своем веку великие события!

— Нокс! Сейчас не время хвастаться!

— Что сразу «хвастаться»? Я просто констатирую факты.

— Мы входим туда...

Кот еще несколько мгновений пристально созерцал табличку «Память», а затем тяжело, по-человечески вздохнул:

— Ладно. Твоя взяла. Идем.

Полина осторожно положила палыцы на холодный металл ручки:

— Ты точно уверен, что это правильный шаг?

— Абсолютно не уверен.

— Великолепно.

— Но согласись: будь мы во всём уверены, жить в этой истории стало бы невыносимо скучно.

Дверь отворилась с тихим, едва слышным вздохом. За ней не оказалось ни привычного продолжения коридора, ни очередной архивной комнаты. Там... дышало само прошлое. Перед путешественниками раскинулся бесконечный анфиладный зал, залитый мягким мерцанием сотен восковых свечей. Вдоль стен высились старинные резные шкафы. На одном из массивных столов покоились раскрытые рукописи, подле которых стояла чернильница с гусиным пером. Откуда-то из необозримой глубины пространства доносилась чарующая музыка — едва различимая, словно пробивающаяся сквозь плотную толщу ушедших веков. Полина заворуженно замерла на пороге.

— Нокс...

— Вижу, — кот мгновенно растерял всю свою ироничную спесь и подобрался. — Это определенно не рядовая локация.

Они сделали несколько осторожных шагов по паркету. На стенах в тяжелых рамах висели живописные портреты. Большинство лиц были Полине совершенно незнакомы. Но вдруг её взгляд наткнулся на до боли знакомый силуэт. Молодой Элиан. Совсем юный, еще не обретший своего привычного векового спокойствия в глазах. Он стоял у книжного стеллажа и что-то с жаром, активно доказывал высокому господину, чьего лица Полина раньше никогда не видела.

— Это... действительно он? — шепотом выдохнула она.

Нокс понимающе кивнул:

— Да. Это его подлинные истоки.

— И ты помнишь этот день?

— Помню, как вчера.

Девушка посмотрела на него сверху вниз:

— А говорил, что он только книжки читал.

Кот гордо расправил усы:

— Я ведь честно предупреждал, что моя память хранит великое множество секретов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.